

Евгений СУХОВ

ПОДАРОК РАСПУТИНА

ЛАРЕЦ С ОПАСНЫМ СЮРПРИЗОМ

ЭКСМО

Подарок Распутина

ЕВГЕНИЙ СУХОВ

Ларец с опасным сюрпризом

«ЭКСМО»

2012

Сухов Е. Е.

Ларец с опасным сюрпризом / Е. Е. Сухов — «Эксмо»,
2012 — (Подарок Распутина)

Владлен Лозовский – кладоискатель. Историк по образованию, он самозабвенно увлечен поиском старинных раритетов. Помогают ему старый приятель Назар, любимая девушка Людмила, а еще верный металлодетектор. И вот в руинах старого дома в центре Москвы Лозовский с друзьями обнаружил уникальный тайник. В нем оказалось пасхальное яйцо Фаберже, некогда подаренное императором Николаем II Григорию Распутину. Вне себя от радости, кладоискатели уже делят между собой предполагаемую прибыль. Но драгоценное яйцо нужно не только им. И, покинув дом, кладоискатели внезапно попадают под пули...

© Сухов Е. Е., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

Часть I	5
Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	23
Глава 5	30
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Евгений Сухов

Ларец с опасным сюрпризом

Часть I

Святой черт

Глава 1

Соперник, или Тайная любовь

Негромко постучавшись, в комнату шагнул начальник службы безопасности Александр Шепелев – мужчина лет тридцати пяти, среднего роста, невероятно крепкий, словно сплетенный из корабельных канатов, с грудной клеткой профессионального борца.

– Разрешите, Михаил Степанович?

– Проходи, – предложил Пономарев, – присаживайся. – Когда тот устроился напротив, спросил: – Что-нибудь есть?

Михаил Степанович Пономарев был крупным мужчиной лет сорока, склонным к полноте, с барственными манерами и внимательным понимающим взглядом. В густые соломенного цвета волосы, уложенные в аккуратный пробор, вкрадывалась ранняя седина, добавлявшая ему импозантности.

– Да, кое-что имеется, – кивнул Шепелев и, разжав ладонь, положил на стол перед генеральным директором небольшой удлиненный предмет, по форме напоминающий упаковку жевательной резинки.

– Что это? – недоуменно спросил Пономарев, подняв удивленные глаза на начальника службы безопасности.

Александр едва улыбнулся.

– Миниатюрная скрытая видеокамера. Автономное средство для скрытого наблюдения. Снимает видео со звуком.

– Здесь то, о чем я просил?

– Именно.

– Можно воспроизвести на персональном компьютере?

– Да. Разрешите продемонстрировать?

– Давай, – пододвинул Пономарев компьютер. – Не терпится взглянуть.

Сняв упаковку, Александр Шепелев аккуратно положил ее рядом, а микрокамеру сунул во вход компьютера. Еще через секунду на мониторе появилось изображение просторного, изысканно оформленного помещения, в котором Михаил Степанович тотчас узнал малый зал ресторана «Люксембург». За столиком близ окна он увидел мужчину лет тридцати пяти – сорока, с небольшой проседью на висках, в элегантном сером костюме и девушку лет двадцати двух, в вечернем длинном фиолетовом платье с открытыми руками. Мужчину звали Мурат Абдуллович Курбанов – его партнер по нефтяному бизнесу в Мегионе, прибывший три дня назад в Москву на подписание документов по «УралСибНефти»; а девушка – Виктория Раевская, с которой он познакомился полгода назад в английском посольстве, куда был приглашен по случаю празднования дня рождения королевы. В плотной толпе напыщенных приглашенных она была единственной, на кого стоило обратить внимание. Как выяснилось во время разговора, девушка была англичанкой, но имела русское происхождение: ее прабабка (тогда еще очень молодая женщина) вместе с малолетней дочерью сразу после октябрьского перево-

рота покинули Москву и, поскитавшись по Европе, осели в Англии. Сама Виктория, зная о своих корнях, решила изучать русскую литературу и уже три года училась на филологическом факультете Московского университета.

Девушка была по-западному раскованна, много улыбалась, что делало ее еще более привлекательной. Уже через полчаса непринужденного общения Михаил попал под обаяние ее крупных глаз и чарующей, с легким английским акцентом, речи. Расставаться с ней было жаль, посему Пономарев предложил встретиться на следующий день и продолжить общение, пригласив девушку в один из шикарных ресторанов столицы.

Роман с Викторией, неожиданно для самого Пономарева, развивался необычайно бурно. С его стороны последовало много безрассудных поступков, чего прежде за ним почти не водилось: от цветов, которыми он заваливал весь салон автомобиля, до баннера с именем любимой, поднятого над городом на дирижабле.

Пальцы Михаила Степановича невольно сжались в кулак, когда рука Курбанова легла на девичью ладонь, и Виктория покорно приняла эту тяжесть. Хрустнула между фалангами дорожная ручка, и Пономарев, не скрывая раздражения, швырнул ее в корзину для бумаг. От него не укрылось, что Виктория смотрела на Мурата с откровенным обожанием. Белокурые женщины почему-то нередко западают именно на людей с восточными чертами лица. С тоской отметил, что на него она никогда не смотрела такими глазами. Чем же сумел пронять и заинтересовать серьезную самостоятельную англичанку, не гонявшуюся за мимолетными увлечениями, этот дамский угодник? Впрочем, женщин в значительной степени всегда привлекают отрицательные персонажи.

Теперь Пономарев понимал, что с его стороны было большой ошибкой знакомить Викторию с Курбановым, тот действовал на женщин едва ли не гипнотически. Так что чванливое честолюбие от обладания красивой женщиной закончилось для него полным провалом, он в очередной раз потерпел фиаско в нескончаемом споре с Муратом.

Стукнув по клавише, Пономарев остановил видеозапись.

– Куда они пошли потом?

На лице начальника безопасности отпечаталось сожаление.

– Сначала они гуляли по Фрунзенской набережной, а потом он отвез ее к себе.

– Она пробыла у него до утра?

– Не совсем... В три часа ночи один из его людей отвез Викторию на Новый Арбат, там у нее квартира.

За время долгого партнерства Михаил Степанович прекрасно изучил Курбанова: тот любил обладать самым лучшим, и неудивительно, что он запал на Викторию. Его можно было бы понять, если бы к Раевской у него было чувство, но в действительности он воспринимал девушку всего-то как хорошенькую куколку, с которой можно было бы весело провести время, показать друзьям, а заодно утереть нос своему компаньону. Виктория для него всего лишь очередное эпизодическое приключение, трофей, о котором он, забавляясь, будет рассказывать друзьям. Но самое непростительное было в другом: своим поведением Мурат решил унижить его. Дескать, ты ее холишь, лелеешь, цветы даришь, а я отвез ее в свой особнячок и ставил, как хотел.

Скрытое соперничество между ними – двумя лучшими студентами курса – зародилось еще в студенчестве. Воспринимавшееся поначалу как дружеское, через пятнадцать лет оно вдруг переросло в откровенный антагонизм.

– Теперь мне все ясно, – протянул Михаил Степанович, собираясь выключить компьютер.

– Я бы советовал вам послушать до конца.

Просьба начальника службы безопасности удивила.

– Что-нибудь серьезное?

– Да.

Нажав на клавишу, Пономарев увидел, как девушка громко рассмеялась.

«– Как ты думаешь, Михаил знает о нас? – спросила она.

– Полагаю, даже не догадывается. Я знаю его очень давно... Он не из тех людей, кто может скрывать свое настроение, все его мысли написаны у него на лице. С такими людьми, как он, всегда легко работать. Знаешь наперед, что от них можно ожидать. Из него получился бы скверный игрок в покер.

– Для тебя важны наши отношения?

– И ты еще сомневаешься? После всего того, что у нас было...

– Может, стоит тогда рассказать о нас Михаилу? Он ведь еще на что-то надеется, а я избегаю его...»

Михаил нахмурился, челюсти сомкнулись, обозначив крупные желваки. Виктория не лгала – они не виделись уже две недели, лишь вкратце перезванивались, чмокая трубки. Девушка постоянно ссылалась на какие-то неотложные дела, откладывала обещанные встречи, чего прежде за ней не наблюдалось.

«– Тебе не стоит утруждаться. Я сам с ним переговорю. Надеюсь, что Михаил меня поймет.

– Правда?»

Звук был хороший, слышно было все отчетливо, как если бы они сидели за соседним столиком.

«– Не сомневайся, все будет хорошо.

– Я очень на это надеюсь.

– Ты приедешь ко мне через неделю?

– Конечно, я не смогу без тебя долго.

– Если бы ты знала, сколько девушек обманывали меня и нарушали свои обещания...

– Бог ты мой, мне так жаль тебя.

– Их обещания я как-то пережил, но если ты мне скажешь когда-нибудь «нет», то даже не знаю, как мне после этого жить.

Девичья ладонь коснулась руки Курбанова.

– Мурат, ты меня пугаешь. А потом, я никогда не скажу тебе «нет». Ты лучший!

– Спасибо, мне давно такого не говорили.

Виктория мягко улыбнулась. Вытащила из сумочки зеркальце и посмотрелась.

– Ой, мне нужно привести себя в порядок, я скоро вернусь...»

Поднявшись, девушка быстро зашагала по залу, удаляясь. Михаил Степанович выключил компьютер.

– Мне все понятно, – негромко произнес он, соображая, как следует выстраивать линию поведения с Курбановым. Отношения с партнером следует рвать, это уж точно! Договоренности, не имеющие юридической силы, аннулировать. – Все эти мелодрамы мне ни к чему.

– Это еще не все, Михаил Степанович. Мне бы хотелось, чтобы вы досмотрели до конца, – настоял Шепелев. – Есть еще кое-что интересное.

Пономарев удивленно посмотрел на начальника службы безопасности. Прежде он не был таким настойчивым.

– Хорошо, – он вновь включил компьютер. – Куда хуже-то... Что-нибудь особенно важное?

– Вы должны сами сделать вывод.

На мониторе вновь появился Курбанов, самодовольно улыбаясь.

– Это все?

– Нет. Вы послушайте, сейчас будет самое важное.

Вытащив из внутреннего кармана пиджака телефон, Курбанов быстро набрал номер.

«— Глеб, послушай, в Мегион я подъеду завтра. К моему приезду все должно быть готово... Считай, что госзаказ у нас в кармане, я уже переговорил с кем нужно... Нет, Пономарев об этом ничего не знает и не должен знать. Это наше собственное дело. Никаких договоренностей! Как только я его получаю, мы рвем с ним все договоренности, так что найди для этого юридические обоснования... Что значит сложно? Кто юрист, ты или я? За что я тебе плачу такие деньги?.. Знаю, что после этого ему не удержаться на плаву, но меня это мало интересует. После этого я куплю его долю в «УралСибНефти», а его самого поставлю у меня в дверях офиса швейцаром! А какова тебе идея? Смело?.. И я о том же самом! — Пономарев лишь усмехнулся, Шепелев оставался серьезным, как и должно. — Только пусть сначала он перечислит аванс в двадцать миллионов за поставку газа, а потом объявим ему о своем решении. Нет, никаких денег. Все, я так решил!»

Пономарев нажал клавишу. Картинка застыла. Всего-то очередное разочарование. Казалось бы, одним меньше, другим больше, только-то и всего... Тогда отчего же так особенно горько? Потому, что увел любимую женщину, или оттого, что решил лишить любимого дела и обесчестить? А может, и то и другое? Откуда же у него такая ненависть? Как говорится, получил беду, откуда не ведал...

— У Курбанова сейчас затруднения, и свои долги возвращать вам он не собирается.

— Ты знаешь, что нужно делать? — спросил Пономарев.

— Да, — коротко ответил Шепелев.

— Вот и отлично, так что никаких инструкций я тебе давать не стану. Кого думаешь назначить исполнителем?

— Севу Артюшина.

Михаил Степанович кивнул:

— Всеволод... Подходящая кандидатура. Викторию не трогать ни при каких условиях, — произнес он глухо. — Надеюсь, что ты сделаешь все, как нужно.

— Можете не беспокоиться, Михаил Степанович. И еще одна очень важная информация.

— Что там?

— Из прокуратуры нам сообщили, что против вас собираются возбуждать дело за мошенничество в особо крупных размерах. Завтра или послезавтра пригласят на беседу.

— Ну да, конечно, денег у меня нет, так я теперь мошенничеством занимаюсь... И кто же постарался?

— Георгий Лаврентьев, — назвал начальник службы безопасности одного из главных акционеров «УралСибНефти».

— Гера... Вот оно что... Я же его сам выдвинул в акционеры, — поморщился Пономарев. — Большого ему захотелось! Вот и делай после этого людям добро... Он в сговоре с Курбановым?

— Несколько раз они встречались конфиденциально, но записей разговоров у нас нет.

— Понятно, — раздумчиво протянул Пономарев. — Никуда я не поеду! Не самое удачное время, чтобы оставлять дела.

— Это очень серьезно. Информация из ближнего круга президента. Скажу так, нам она стоила очень дорого.

— А вы не подумали о том, что кому-то очень выгоден мой отъезд, чтобы потом прибрать мое хозяйство? — остановил Михаил Степанович тяжеловатый взгляд на начальнике службы безопасности.

Александр уверенно выдержал испытание:

— Подумали... Информация перепроверена. Михаил Степанович, не исключая, что вас могут арестовать прямо в кабинете следователя.

— Сколько у меня времени?

— Полагаю, что его уже нет, ехать нужно прямо сейчас. Завтра может быть поздно.

— Что ж, пусть будет так. Распорядись, чтобы подогнали машину.

Глава 2

Столик заказан, Или Снайперский выстрел

В Мегион Курбанов вернулся в хорошем настроении. Бумаги Пономаревым были подписаны. В ближайшие двадцать четыре часа он должен будет провести предоплату за обещанную нефть, рассчитывая в ближайший месяц заработать на перекачке углеводородов сорок процентов. Специально для предстоящей операции Пономарев вывел из резерва значительную часть своих средств, рассчитывая покрыть их в ближайшее время. Однако этого не произойдет, потому что возникнут «проблемы с доставкой нефти». Вследствие этого компания Михаила Пономарева, не выдержав груза финансовых задолженностей, начнет разваливаться по кускам, и останется лишь скупить их за бесценок. Мурат улыбнулся: никогда прежде он не находился столь близко к своей мечте – сделаться полноправным хозяином Сибири, и, кажется, до ее осуществления остался всего-то один шаг.

В качестве приза за расторопность ему достанется бывшая возлюбленная Пономарева красавица Виктория Раевская. Сейчас девушка находится в гостинице и дожидается его звонка, чтобы спуститься из своего номера в фешенебельный зал ресторана для совместного времяпрепровождения. На предстоящие несколько дней Курбанов наметил обширную программу с облетом на вертолете заповедных мест, почти не тронутых человеком. Природные уголки не могут оставить девушку равнодушной. Пусть имеет полное представление, что такое Сибирь.

Встав перед зеркалом, Мурат повязал галстук. Повернувшись, осмотрелся. Весьма неплохо. Светло-серый в тонкую белую полоску костюм сидел на нем выигрышно, а тончайший легкий материал подчеркивал сильные плечи и мускулистую грудь. Стилисты оказались правы, когда предложили ему остановиться именно на этом фасоне.

До гостиницы, где проживала Виктория, было всего-то два квартала по безлюдной улице. Не так уж и много, чтобы беспокоить охрану, а потом, к чему ненужные свидетели его любовных похождений? Подобные вещи так или иначе становятся достоянием гласности, а ссориться с супругой не входило в его планы.

– Иван! – громко окрикнул Курбанов.

На его оклик в комнату вошел худой мужчина лет сорока.

Многие приятели Мурата предпочитали менять телохранителей каждые полгода. В таком решении имелся свой резон. При длительном пребывании подле хозяина охранник превращается в очень близкого человека, становится едва ли не членом семьи со всеми вытекающими последствиями. К нему начинаешь относиться душевно, делаешь поблажки на какие-то вещи, и служба нередко заканчивается дружескими отношениями, в результате которых телохранитель по-свойски похлопывает по плечу своего нанимателя. Он узнает все слабости и привычки своего босса и может умело пользоваться ими. Но, что самое скверное, он становится посвященным в бизнес, что может обернуться значительными убытками. Например, охранника может перекупить конкурент, и тогда в собственном доме человек может заполнить в его лице «пятую колонну»...

Мурат Курбанов предпочитал людьми не бросаться, увольняя лишь особо нерадивых, а охранников, что дежурили у его коттеджа, просто переводил на другой объект. Исключение делалось лишь для некоторых. К таким принадлежал Иван Кочергин, заправлявший его личной охраной и находившийся при нем едва ли не двадцать четыре часа в сутки. Он надежен, дисциплинирован, знает свое дело – в общем, один из тех, о ком говорят, что на него можно положиться. Внимательный, чуть строгий взгляд Кочергина остановился на хозяине, ожидая распоряжения.

Заправленный автомобиль уже стоял во дворе особняка, а водитель, покуривая сигаретку, топтался подле колес, дожидаясь очередного распоряжения.

– Вот что, Иван, сейчас я поеду без машины сопровождения... Со мной будет только шофер. Тут недалеко, всего каких-то два квартала.

– Мурат Абдуллович, но ведь...

– Послушай, Ваня, я понимаю, что ты человек ответственный, но это тот случай, когда я бы не хотел лишних глаз, даже твоих... Пойми меня правильно, это будет женщина. Не исключено, что многим она знакома. Скажу так: это подруга моего партнера, и у меня могут возникнуть проблемы, если кто-то об этом узнает. Ты понимаешь меня?

– Да.

– Ну, вот и отлично. Скажи шоферу, пусть разогревает машину, я сейчас выхожу.

Иван нахмурился.

– Я бы на вашем месте... – И заметив суровый взгляд шефа, добавил: – Как скажете.

Курбанов проводил взглядом удалившегося охранника, потом поднял трубку телефона:

– Виктория?

– Да.

– Столик уже заказан. У нас с тобой будет отдельная кабина.

– Вот и прекрасно.

– Я буду примерно через час. Можешь пока спускаться, закажи себе коктейль...

– Я бы хотела, чтобы ты зашел ко мне в номер, и мы спустимся вместе.

– Договорились. Я буду.

Мурат с улыбкой положил трубку. Милые девичьи капризы, но так порой приятно их исполнять... Еще раз глянул на себя в зеркало, нашел, что внешний вид безупречен, и быстрой походкой вышел из комнаты.

* * *

Два месяца назад Александр Шепелев смонтировал радиозакладку на телефонной линии Курбанова. Автоматически включаясь при поднятии телефонной трубки, она передавала по радиоканалу телефонный разговор на пункт перехвата, где беседа немедленно прослушивалась и записывалась. Так что за прошедшее время он сумел узнать о Мурате Абдулловиче немало интересного.

Прослушав состоявшийся разговор, он понял, что лучшего времени для акции может не представиться. Отчего-то на душе сделалось скверно. В чем-то Курбанов был ему симпатичен: озорной, острый на язык, дерзкий, а еще он был невероятно умен. И через какой-то час о нем будут говорить в прошедшем времени...

Времени на раздумье оставалось немного. Промедли он с исполнением приказа, неизвестно, как ситуация может обернуться лично для него: в перекрестье прицела может оказаться его собственная голова. Наконец, после некоторого раздумья, он набрал сотовый телефон Севы, находившегося неподалеку от особняка Курбанова.

– Вот что, Сева, через час Курбанов будет в гостинице «Сияние». Так что у тебя не так уж много времени.

– Там остановилась Виктория?

– Именно.

– Я все понял, – с готовностью отозвался Всеволод. – Сделаю все в лучшем виде, можешь не сомневаться.

– А я никогда в тебе и не сомневался.

* * *

Сразу после прибытия в город Всеволод Артюшин стал присматривать место для возможного выстрела. И вскоре понял, что произвести его без риска для себя будет крайне сложно. У Курбанова весьма подготовленная охрана, вокруг дома установлены видеокамеры, фикси-

рующие каждую подъезжающую машину, а сам он передвигается по городу с машиной сопровождения. Причем невозможно установить маршруты поездок на деловые встречи, всякий раз они менялись. Ситуация несколько изменилась, когда Мурат узнал, что в город подъедет его любовница Виктория. Вряд ли он пригласит погостить женщину в свой семейный коттедж, скорее всего, она будет проживать в лучшей гостинице города, каковой был отель «Сияние». Останется только подкараулить Курбанова в тот момент, когда он войдет в здание гостиницы.

В этот же день Артюшин сходил к гостинице, выискивая наиболее подходящее место для выстрела и пути возможных отходов. Вскоре он убедился, что лучшую лежку, чем крыша девятиэтажного дома, стоящего на противоположной стороне, подобрать будет трудно, – с верхних этажей здания вход будет виден как на ладони. Останется только тщательно прицелиться и нажать на курок. На следующий день, переодевшись в форму рабочего, Всеволод занес мешок с песком на крышу, еще раз убедившись, что выбранное место было на редкость удачным.

Выключив мобильный телефон, Артюшин мягко положил трубку. Приятно было осознавать, что он не ошибся в собственных расчетах. Запустив двигатель, он выехал в сторону ресторана «Сияние», оставив за спиной особняк Мурата Курбанова.

Не выходя из машины, спрятавшись за тонированными стеклами, стрелок переоделся в старую замасленную спецовку, взял потертый чемодан, в котором хранил разобранный снайперскую винтовку, и с видом работающего человека вошел в подъезд дома. Поднялся на лифте до девятого этажа и прошел на крышу. Спрятавшись за вентиляционную трубу, спокойно собрал снайперскую винтовку и стал ждать.

Дождаться пришлось недолго – не прошло и полчаса, как из белого «Мерседеса» представительского класса вышел высокий гибкий человек в сером дорогом модном костюме, с букетом алых роз. Всеволод тотчас узнал Курбанова. Крикнув что-то через плечо водителю, хотевшему было проводить его до дверей, Мурат Абдуллович скорым шагом устремился к гостинице. Прильнув к окуляру оптического прицела, Всеволод рассмотрел аккуратно стриженный затылок олигарха. Осталось только выбрать на нем подходящую точку. Через секунду она отыскалась – точно посередине головы, на пять сантиметров выше затылочной черепной впадинки. Затаив дыхание, Всеволод нажал на курок и увидел, как череп брызнул мелкими осколками. Поднявшись, Артюшин быстро заспешил к выходу, оставив винтовку на месте выстрела...

Глава 3

Кладоискатель, или Находка на миллион!

Поисками кладов Владлен Лозовский занимался еще со студенческой скамьи. Вскоре необременительное занятие переросло в серьезное хобби, а затем и вовсе вытеснило прочие привязанности, сделавшись основным источником заработка, иначе работой. Однако припрятанные клады приходилось искать со старым оборудованием, и следовало больше полагаться на собственную интуицию, чем на датчики. А потому, когда на одном из форумов кладоискателей один из постоянных участников по прозвищу Кощей предложил современный металлодетектор за сравнительно недорогую цену, Лозовский откликнулся тотчас.

В недолгой переписке выяснилось, что прежде Кощей весьма серьезно занимался кладоискательством и с металлодетектором в руках исходил всю южную часть России, отыскивая то сокровища Аттилы, то припрятанные клады скифов. Однако, по его заверениям, в последние два года поисковое дело утратило для него прежнюю остроту, и теперь он усиленно избавлялся от всего (разумеется, кроме воспоминаний), что прежде связывало его с прежним хобби и заставляло ехать за тысячи километров от Москвы. И вот теперь настал черед металлодетектора...

Встретиться договорились рядом с метро «Таганская». Владлен пришел на несколько минут раньше назначенного времени, и, когда к оговоренной лавке, дружелюбно улыбаясь, подошел крепкий представительный мужчина с глубокими залысинами, он даже не пытался скрыть своего удивления.

– Алексей Павлович Таранников, – представился подошедший. – Впрочем, можно называть Кощеем, не обижусь.

– Владлен Лозовский... Можно Влад. Тоже без претензий.

Прозвище Кощей новому знакомому явно не подходило. Человеку с таким прозвищем полагалось обладать внешностью сказочного злодея: быть невероятно худым, иметь длинную редкую бородку, мрачный характер, а самое главное – выглядеть старым. Но новый знакомый больше походил на человека, привыкшего сидеть в мягком кресле перед экраном телевизора, не способного жертвовать привычным комфортом ради красивой мечты. Невысокого росточка, краснощекий, весьма упитанный мужчина средних лет с заметно выпирающим пивным брюшком. Сразу стало понятно, что, в отличие от своего тезки, он не пренебрегает различными прелестями жизни и любит хлебосольные застолья и шумные компании. Производил впечатление здоровячка-бодрячка, готового вкушать все удовольствия немедленно, не откладывая жизнь «на завтра». Такому человеку претит длительный аскетизм, а потому было совершенно непонятно, какими лихими ветрами его занесло в кладоискательство, полное всяких лишений.

Вытащив аппарат из чехла, Кощей объявил:

– Вещь сильная! Работает по любому металлу, в том числе и по цветному.

– На какую глубину?

– Берет до полутора метров. Может, даже и больше, если будет большое скопление металла.

Владлен понимающе кивнул. Металлодетектор и в самом деле был стоящим, последняя разработка немецкой мысли. Глубинный, высокочастотный, с цифровой обработкой сигнала, способный работать практически в любых условиях и приспособленный ко всяким грунтам. С таким прибором просто грех не отыскать что-то впечатляющее! А новый, в упаковке, он стоил бы не меньше трех с половиной тысяч долларов, так что приобретение металлодетектора за треть от его первоначальной цены можно было расценивать как настоящий подарок.

– И много находили?

Обычно кладоискательством занимаются люди молодого возраста, которые, веря в судьбу, рассчитывают, что им повезет куда больше, чем предшественникам. Но уже через год поисков большая часть энтузиастов отсеивается, навсегда позабыв о прежнем увлечении, и ребята берутся за более стабильный и прозаический заработок: ремонтируют в гаражах автомашины, подвизаются на перепродажах, устраиваются в коммерческие фирмы, а то и вовсе открывают собственное небольшое дело. Некоторые из бывших кладоискателей продолжают учебу в вузах, поступают в аспирантуру и о своем былом чудечестве вспоминают лишь с легкой улыбкой. Лишь немногие способны посвятить кладоискательству двадцать лет жизни. А Кошей, судя по всему, был как раз из этого замеса, и оставалось только гадать, что именно заставляло его столь долго бродить с металлодетектором по полям, заросшим бурьяном.

Таранников, слабо поморщившись, отвечал:

– Мне в этом плане не очень везло, все мелочовка какая-то доставалась. Надеюсь, что у тебя будет все в порядке.

Лозовский продолжал тщательно осматривать металлодетектор. Вещь производила впечатление – сильная, вне всякого сомнения. Особенно порадовал цветной дисплей, позволявший определять форму металла и глубину его залегания. Аппарат имел несколько насадок, позволяющих работать как с широким охватом, так и точечно.

Включив металлодетектор, Влад снял с шеи золотую цепочку и приложил его к датчикам. Тотчас послышались волнующие частые гудки, а на дисплее синусоида плавно изогнулась, указывая на цветной металл.

– Вот если бы такое где-нибудь в поле увидеть, – хмыкнул Таранников.

– Надеюсь, что так оно и будет, – серьезно парировал Лозовский и, разобрав аппарат, упаковал его в чехол.

– Может, отметим это дело? – неожиданно предложил новый знакомый.

– Почему бы и нет, – легко согласился Лозовский. – Тут за углом неплохой бар. Можно посидеть там.

– Отличная идея. Пойдем!

Народу в баре оказалось немного, так что можно сказать, что беседа получилась едва ли не приватная.

Из дальнейшего разговора с Таранниковым, неожиданно растянувшегося часа на три, Лозовский вдруг понял, что тот занялся поиском не случайно. Как это поначалу бывает, увлекся сначала романтикой поиска, рассчитывая отыскать нечто впечатляющее – не серебряные чешуйки, которые встречаются едва ли не на каждом поле, а настоящий клад: кованный сундук, заполненный золотыми монетами. Но мечта, поначалу такая яркая в молодости, с возрастом все более блекла и отодвигалась на неопределенное время, и когда ждать уже не имело более смысла, он решил продать свое оснащение.

За бокалом пива выяснилось, что Кошей уже десять лет служил чиновником средней руки в столичной мэрии, имел весьма приличный оклад и кое-какие заработки на стороне, позволившие приобрести квартиру едва ли не в центре Москвы.

Находясь в изрядном подпитии, Таранников неожиданно спросил, прищурившись:

– Вот ты смотришь на меня и думаешь: какого дьявола он мотался по полям с металлодетектором, когда у него на работе и так все в порядке, а взятки, наверное, имеет раз в десять больше, чем сам оклад?

Владлен улыбнулся: Кошей оказался куда более проницательным, чем это представлялось поначалу. Уж простачком он не был, это точно. И вообще, люди бесхитростные в мэрию не попадают ни при каком раскладе, а чтобы продержаться в таких стенах десять лет, следовало обладать настоящим талантом.

– А я тебе хочу сказать откровенно, можешь смеяться... Хотел отыскать саквояж Фаберже, – протянул он мечтательно. – Ты что-нибудь знаешь о нем?

О саквояже Фаберже Владлен не слышал, но нечто знаковое из коллекции великого ювелирного мастера отыскать мечтал всегда. Именно поэтому в прошлом году он вместе со своим приятелем Назаром Шелестовым отправился под Санкт-Петербург, в заброшенную усадьбу Фаберже, отстоявшую от города километров на двадцать. Среди кладоискателей упорно ходили слухи о том, что в толстенной кладке здания скрыты несметные сокровища известного ювелира.

Приехав на место, прошлись по мраморной лестнице, украшенной балясинами (было очень странно, почему любители старины не отодрали их с корнем), заглянули во все коридорные углы. Однако удалось отыскать только пару советских пятаков, оставленных прошлым поколением кладоискателей.

В кабинете Карла Фаберже, к своему немалому изумлению, они увидели даже сейф, встроенный в стену. Надо полагать, что за свою жизнь он повидал немало интересного. Не отыскав ценностей за штукатуркой и дранкой, неприглядными кучами сваленными вдоль стены, переместились в парк, который, надо полагать, в лучшее время был верхом ландшафтного дизайна: по кругу зелеными часами высажены ели, а в центре, разметав длинные ветки, разросся могучий дуб, символизирующий точку отсчета. Несколько серебряных монет отыскалось как раз в этом парке, но они были раннего периода, не имеющие ничего общего с усадьбой Фаберже и занесенные сюда каким-нибудь ухарем-коробейником, «челночничавшим» между соседними богатыми селами.

Поиски плавно перемещались к пруду, размещавшемуся в конце усадьбы, и, с точки зрения Владлена Лозовского, представляли собой весьма перспективное дело. Но работу пришлось прервать: неожиданно появился сторож – весьма строгого вида дядька с густой черной щетиной – и, пригрозив нарядом полиции, велел убираться «подобру-поздорову».

Собственно, на этом вояж в усадьбу Фаберже был закончен. Находки выглядели настолько скудными, что о них не стоило даже упоминать. Видно, предыдущие поколения поисковиков отработали территорию досконально – повсюду в саду неприглядными «поганками» белели батареи от металлодетекторов.

– О саквояже Фаберже?.. Не приходилось, – отрицательно покачал головой Владлен, вспомнив о том, как ему на пару с Назаром пришлось складывать металлодетектор под строгими взорами сторожа и убираться восвояси.

Поговаривают, что за последние годы усадьба великого ювелира сделалась для поисковиков в некотором роде своеобразной Меккой, куда они отправлялись за своим кусочком счастья. Каждый отчего-то надеялся, что повезет именно ему. Но возвращались обычно ни с чем, прихватив разве что в качестве сувенира изуродованную плитку от пола. А если к толпе поисковиков добавить еще и бомжей, что стремились отыскать в пустующем здании пристанище, то суровость сторожа была вполне объяснима.

– А вот ты послушай, – продолжал Кощей. – В марте 1918 года после принятия Совнаркомом декрета о защите собственности иностранцев Карл Фаберже сдал свой дом в аренду швейцарской миссии. Вскоре в его особняк поселился швейцарский посол господин Одье. Плату за проживание он с него не брал, просил только взять на хранение шесть личных чемоданов с вещами семьи и саквояж. Вскоре послу стало известно, что на особняк собираются произвести налет. Тогда Одье передал свои собственные вещи и вещи Фаберже вместе с саквояжем в норвежское посольство. Однако уже на следующий день посольство было ограблено, а саквояж пропал. Налетчики скрылись на поезде, а потом следы их затерялись.

– А что было в саквояже?

– О! А вот это самое интересное. В нем было все ценное, что старик сделал на протяжении своей долгой жизни. Проще сказать, чего там только не было! Броши, отделанные изумрудами, золотые портсигары с сапфирами, золотые и платиновые серьги, бриллиантовые кольца, браслеты с аквамаринами и сапфирами...

Глаза Владлена невольно загорелись.

– Какова же стоимость саквояжа?

– После ограбления Фаберже лично укладывал каждую вещь в саквояж, а потому лично описывал их. Список, предоставленный в ЧК, составил двадцать страниц... Так вот, по его подсчетам, саквояж потянул на сумму почти в два миллиона золотых рублей!

– Сколько же это будет по нынешнему курсу?

На секунду Таранников задумался:

– Полагаю, что по нынешнему курсу это будет почти сто восемьдесят миллионов долларов.

– Ого!

– Вот то-то и оно... Так вот, я всю жизнь ищу этот саквояж. Была проведена тщательная опись всего украденного, которая хранилась у правнучки Фаберже. Одна из таких вещичек выплыла на аукционе «Сотбис» – портсигар, украшенный алмазами. Он ушел за триста пятьдесят тысяч фунтов стерлингов. В ЧК довольно тщательно проводили расследование, но саквояж так и не нашли. Предполагается, что кто-то просто разделил его на несколько частей и спрятал в квартирах. Потом многие хозяева поумирали, так и не успев раскрыть свою тайну. Многие из них были выселены из своих прежних квартир, а то и просто расстреляны. Так что ценности Фаберже доставались совершенно случайным людям. – Лицо от выпитого спиртного у Кося покраснело, движения рук сделались размазанными. – Я даже более того хочу тебе сказать, – его голос как-то неожиданно подсел, переходя на шепот. – Чекисты поймали одного из тех, кто совершил налет на посольство Норвегии. Охраняли чемодан и саквояж двое швейцарских студентов, которые впоследствии были просто убиты как ненужные свидетели. Участником ограбления был секретарь Артура Артузова, в то время заведующего Оперативным отделом Управления особого отдела ВЧК.

– Вот это да!

– Его как следует трянули, и он рассказал о том, что содержимое саквояжа разделили на двенадцать равных частей. У меня имеется даже список этих адресов.

– Откуда же он у тебя?

– Представляешь, он был засекречен и находился в архиве. Мне удалось получить разрешение и скопировать его. Все-таки я работаю в мэрии, иногда это очень упрощает существование.

– Понятно.

– Чекисты ходили по этим адресам, но ничего не нашли. С тех пор хозяева квартир сменялись по десятку раз, и они совершенно не подозревают о возможных сокровищах, спрятанные в стенах. Я тоже побывал в этих квартирах. Одну даже купил... Думал, что разбогатею. Побывал и в других квартирах под разными предлогами. Один раз как бы намеревался провести ремонт от домоуправления, в другой раз сказал, что трубы нужно менять. Я пытался искать, но ничего не нашел.

– А у вас нет этого списка? – неожиданно для себя спросил Владлен.

– Тоже хочешь разбогатеть? Ну-ну... Этот список я помню наизусть. Хотя... – Сунув руку в карман, он вытащил из него небольшой, сложенный вчетверо листок, изрядно затертый по краям. – Вот он, если тебя это интересует. – Лозовский бережно взял. – Теперь он мне без надобности, я уже переболел всеми этими сокровищами. Кстати, могу тебе сообщить как официальное лицо: в Староконюшенном переулке имеется дом, указанный в этом списке. Когда-то этот дом был доходным и принадлежал бригадиру Новосельцеву. Его купил какой-то олигарх. Всех жильцов расселили, а одну старуху долго не могли уговорить, она является прямой наследницей этого бригадира. Но неделю назад они пришли к какому-то компромиссу. Точнее, инвесторы расщедрились и хорошо заплатили ей, так что теперь она может купить себе шикарную квартиру где-нибудь неподалеку. В доме проживали люди с разным достатком,

но были и весьма состоятельные, и даже вхожие в высший свет... Сейчас в нем ведутся кое-какие ремонтные работы. Ты бы поторопился, прочесал его с металлодетектором. Может быть, и найдешь в стенах что-нибудь ценное. Такие старые дома полны загадок.

– Может, его уже осмотрели?

– Не уверен. О том, что дом будут реконструировать, никто не знает, это я говорю тебе по секрету. О нем вообще нет никакой официальной информации. Но дня через два уже может быть поздно – понаедут другие поисковики и снимут все пенки.

– Хорошая новость. Сколько с меня за нее?

Кошей поморщился:

– Ты меня не так понял... Я уже отошел от этого и не хочу больше ввязываться. Надеюсь, что переболел. Угости кружкой пива – и будем считать, что мы в расчете. Мой телефон у тебя есть.

* * *

Металлодетектор Владлен решил опробовать на следующий день в пятидесяти километрах к востоку от Москвы, на большом неровном каменистом поле, заросшем чертополохом. Лет двести тому назад на этом месте находилось большое богатое село Семиозерское, захиревшее в последние годы: от прежнего великолепия остался только обветшавший собор и старое, заброшенное, с несколькими родовыми склепами кладбище.

Мало кто знал, что именно здесь останавливались купцы, следовавшие на ярмарку в Нижний Новгород. Отдыхали торговцы всегда с большим размахом, и даже через сто лет в вязком черноземе можно было отыскать дореволюционное серебро. Оставалось только определить местонахождение гостиницы, где долгие годы происходили чудачества торговых людей. Золотые и серебряные монеты, брошенные в порыве неслыханного удачества, закатывались в щели, откуда их невозможно было извлечь, и за десятилетия кутежей деньги составляли изрядные скопления. Монеты могли быть обронены случайно во дворе; нередко драгоценности прятались в номерах, часто с полнейшего перепоя, на случай возможной кражи, и уже поутру хозяин терялся в догадках, куда могла запропасться его бриллиантовая запонка вместе с золотым портсигаром.

Здание гостиницы трижды выгорало, что также способствовало приличным находкам. Причем в последний раз, во время большого гульбища, оно сгорело едва ли не до основания, и постояльцы гостиницы, побросав без сожаления нажитое добро, выскакивали через окна номеров в одних портках. Местные жители поговаривали, что в последний раз под обломками гостиницы было погребено много имущества, большая часть которого впоследствии так и не отыскалась, а следовательно, оно по-прежнему находилось в земле и дожидалось своего часа.

Порывшись в архиве, Владлен отыскал старую карту Шуберта середины девятнадцатого века, на которую были занесены все деревушки с разбросанными по окрестностям хуторами. Как выяснилось, Семиозерское в позапрошлом веке было крупным населенным пунктом, требующим особой детализации. Картограф был настолько педантичен, что обозначил всякий дом, стоявший поодаль. Судя по всему, гостиница стояла немного в стороне от главной дороги. Оставалось только добраться до нужного места и убедиться в правильности своих выводов.

Обычно в поиски Лозовский отправлялся на пару со своим студенческим другом Назаром Шелестовым. Парень обожал романтику кладоискательства, мог часами ходить с металлодетектором по полю, забывая о времени, пище и обо всем остальном. В нем присутствовала еще одна привлекательная черта: отсутствие стремления к наживе и накопительству. Он не болел мечтой отыскать какой-нибудь запоминающийся клад, что было свойственно каждому поисковику, зато искренне радовался всякой монете, оброненной незадачливым простофилей эдак лет сто пятьдесят тому назад, как если бы откапывал нечто выдающееся. В общем, напарником он был ответственным.

Была еще одна причина, по которой Владлен решил отправиться именно в Семиозерское. В списке, переданном ему Кощеем, предполагаемая гостиница стояла на седьмом месте, за которым следовал знак вопроса и лаконичная надпись: «Не найдено». Видно, Кощей и сам наведаясь в эти края в поисках саквояжа Фаберже, вот только за время долгого разговора почему-то не обронил об этом и слова.

Оставалось только непонятным, почему часть саквояжа должна была оказаться именно в Семиозерском? В архиве обнаружили документы, по которым стало ясно, что после отъезда хозяина гостиницы во Францию, случившегося сразу после прихода к власти большевиков, дом был разделен на множество перегородок и комнат, которые тотчас были распределены между рабочими соседней суконной фабрики. К своему немалому удивлению, Владлен обнаружил, что в одной из комнат проживал Алексей Волинкин, служивший в ЧК оперуполномоченным и являвшийся одним из доверенных лиц Артура Артузова. Вскоре дом сторел дотла, забрав в качестве кровавой дани жизни шести человек, среди которых был тот самый оперуполномоченный. Так что пролить свет на припрятанные сокровища Фаберже он не мог, и оставалось полагаться лишь на добротный металлодетектор и собственное трудолюбие. А там – как знать!

Третьим компаньоном была Люся, с которой Лозовский встречался уже почти год; надо признать, что он и сам не ожидал от себя подобного постоянства. Видно, в ней присутствовали какие-то качества, которых он не находил у прежних своих друзей. В общем, с Людмилой было интересно: она была неглупой, беззаботной и всегда могла поддержать шутку заразительным смехом. А потом, Люся свято верила: когда-нибудь Владлену удастся отыскать нечто впечатляющее, что позволит им осуществить совместный проект под названием «семья». Кто знает, может, так оно и будет в действительности, если она будет вести себя столь же примерно, как прошедшие несколько месяцев...

На следующий день, захватив Назара, Влад выехал к селу Семиозерское, к месту предполагаемой гостиницы. В этом районе Лозовский побывал три года назад, и надо признать, что следы бывшего жилья произвели на него угнетающее впечатление. В этот раз впечатление только усилилось: по всему полю зубастыми останцами, будто из развороченной челюсти, торчали осколки фундамента; метрах в пятидесяти от дороги стоял небольшой дом с покосившимися стенами. Не было ровным счетом ничего значительного, за что можно было бы зацепиться взглядом. Обыкновенное поле без признаков жилья: унылое, заброшенное, заросшее, едва ли не в рост человека, бурьяном. Место весьма дикое, неухоженное, каких в России не одна тысяча. Трудно было поверить, что когда-то здесь klokотала жизнь, что одних только дворов было за четыре сотни, а постоянный двор с конюшней, многочисленными складами и всем тем, без чего невозможно представить обширнейшее хозяйство, был одним из самых крупных в округе. Теперь вместо бывшего населенного пункта оставалось лишь только поле, проросшее буйной высокой травой. Оно представляло собой образчик российского запустения.

Накануне прошел ливень, размешав чернозем до красной глины, и вода, окруженная со всех сторон травой, напоминая болотца, стояла в низинах. А потому соваться в дикорастущие травы на обыкновенном седане было чревато: можно увязнуть по самое брюхо.

Место для предварительных поисков решено было выбрать посуше, расположенное на склоне, там, где обычно вода не задерживается, стекая бурным потоком. Оставалось определиться с расположением гостиницы – а она, судя по всему, находилась там, где торчала из земли заросшая бурьяном кладка.

Заглушив двигатель, Владлен вытащил из сумки карту, расправил ее на коленях и сказал, обращаясь к Назару:

– Вот он, бывший поселок...

– Да, мы на нем стоим, – согласился Назар.

Кончиком карандаша Лозовский обвел дома, выстроившиеся в неравные кривые улочки.

– Это будет центральная улица. – Выглянув в окно, убедился: – Ага, она, должно быть, там, за тем пригорком.

– Точно. Последний дом будет у того сарая, – согласился Назар. – А дальше пойдут огороды.

Свою карьеру поисковика Шелестов начинал с топографического техника. Окончив первый курс геодезического техникума, он отправился на практику в Астраханскую область, изобилующую разного рода историческими тайнами. Однажды, разбивая профили, он проходил через небольшой холм, совершенно непримечательный, похожий на множество других, возвышавшихся в округе. Отличие его состояло разве лишь в том, что у подножия он отыскал несколько старинных монет. Как потом выяснилось, в действительности этот холм оказался могильным курганом одного из полководцев Аттилы. Деревянный сундук, с которым соплеменники отправили его в последний дальний путь, сгнил, а золотые монеты усеяли склон кургана.

С того самого времени Назар Шелестов всерьез заболел историей, окончил археологический факультет и намеревался поступать в аспирантуру. Так что поисковое дело было дополнением к основной профессии. Как бывший топограф, он прекрасно разбирался на местности, и в любом споре, касающемся географических привязок, его слова всегда были определяющими.

– А вот и постоянный двор, – ткнул Назар пальцем на начерченный многоугольник.

– Значит, гостиница должна быть вон с той стороны, там, где растут березы, – показал Владлен на выстроившиеся в ряд деревья, огораживающие окраину поля.

– Посмотри на масштаб, – заметил Назар. – Думаю, что ближе метров на пятьдесят – это там, где небольшой пригорочек.

Возможно, что так оно и было в действительности: уж если ставить гостиницу, так как раз в таком уютном месте. Трудно подыскать более подходящее расположение. Из окон третьего этажа открывался живописный вид на небольшую лениво протекающую реку.

Люся не принимала участия в споре, занимаясь какими-то своими девичьими делами: насобирала охапку цветов и теперь плела из них венок. В общем, не мешала.

– Так оно и есть, – легко согласился Владлен. – Выходим!

Вытащив из багажника косы, в четыре руки посрезали густорастущую траву, и только после этого, вооружившись металлодетекторами, стали исследовать землю. Уже через пару минут поисков прозвучал первый сигнал, указывающий на цветной металл. Отложив прибор в сторону, Лозовский разгреб землю. Так оно и есть: на глубине двадцати сантиметров лежали две серебряные монеты николаевской чеканки и еще пяток медяков. С одной стороны, не бог весть что, но для почина то, что нужно. Бывало, полдня бродишь, прежде чем отыщешь что-нибудь заслуживающее внимания, а тут сразу несколько монет. Тем более что зачастую они не встречаются в одиночестве: подобно грибам, объявляются семействами. Поле неоднократно перепахано, так что на серебро можно натолкнуться в любом его конце...

Минут через пять Владлен нашел еще три серебряные монеты. А ведь это только разведка, чтобы определиться с вопросом: стоит ли работать на нем дальше. Поле, судя по первым находкам, весьма перспективное, и в нем стоит покопаться весьма основательно. Более углубленный поиск начнется позже, когда пространство будет разбито на квадраты, чтобы не пропустить чего-то значительного, – и вот тогда можно будет ожидать чего угодно, вплоть до зарытого до лучших времен клада.

Владлен посмотрел на компаньона, сосредоточенно ходившего по полю с металлодетектором. Серьезный, весь в себе, тот не замечал окружающего мира, чутко прислушивался к звукам, исходящим из-под земли. Вот согнулся, принялся разгребать что-то руками и, подняв, без всякого интереса положил в карман.

Поисковики разбиваются на несколько категорий. Один никогда не проговорится о находке, которую обнаружил; невозможно даже понять по его лицу, улыбнулась ли ему удача;

просто молчит себе, и все тут. А все вопросы переводит в плоскость обычной шутки. Другой будет отрешиваться от драгоценной находки, убеждать, что ничего существенного не отыскал; однако по его сияющим глазам и широкой улыбке можно понять, что он отыскал нечто значительное. Третья категория кладоискателей, к которой принадлежал Назар, – люди открытые и примутся от радости кричать во все горло, если им доведется натолкнуться на нечто эпохальное.

Но сейчас Шелестов молчал, лишь иной раз нагибаясь, чтобы поднять второстепенную находку. То может быть оброненная серебряная ложка или старинная монета, закатившаяся под пол. Само собой разумеется, что такими находками капиталов не приобрести, но на ближайшей толкучке можно продать за цену, которая вполне оправдывает потраченный на дорогу бензин.

В нескольких местах сигналы были слабые, к ним можно вернуться несколько позже, при более детальном поиске. Совсем не исключалось, что на глубине где-нибудь полтора метра находится какая-нибудь медная бляха, не стоившая и гроша. А может произойти и обратное: резной малахитовый ларчик, полный всякого добра... Так что прежде чем вгрызаться в полуметровую глубину, стоило основательно подумать.

Место обнаружения сигналов Владлен пометил белыми флажками и, аккуратно переступая через комья земли, с металлодетектором в руках двинулся навстречу Назару. Тот тоже, порой останавливаясь, отмечал перспективные участки цветными колышками. Метров через двести должны сойтись, чтобы обсудить, как следует поступать дальше: продолжить исследование или паковать приборы. Но, судя по количеству сигналов, проявившихся в поле, можно было с уверенностью утверждать, что место перспективное и покопаться здесь предстоит не один день.

Вот Назар нагнулся и, взяв лопату, что-то принялся копать. Затем поднял с земли какой-то удлинённый предмет. Присмотревшись, Владлен понял, что это половник. Находка не редкая, встречается едва ли не в каждом деревенском подворье. Повертев его со всех сторон, Назар уже хотел было зашвырнуть половник куда-нибудь подальше в бурьян, но потом, всмотревшись повнимательнее, сунул в холщовую сумку, висевшую на плече.

Сошлись через пятнадцать минут. Как оно и полагалось в таком случае, не спеша закурили.

– Нашли что-нибудь, мальчики? – спросила подошедшая Люся. Выглядела она беззаботной: на голове веночек из полевых трав, красивое лицо украшала белозубая улыбка.

– Есть кое-что, – неопределенно отозвался Назар.

Присутствие женщин действовало на него странным образом: он всегда напускал на себя туману.

Помолчали малость, как это случается перед большим объемом работы. В том, что здесь придется вгрызаться в землю, не сомневались. Находок было много – правда, все по мелочевке: дореволюционные монеты, пуговицы-гирьки, несколько сережек, фрагменты серебряного оклада, три медных крестика, лежавших у самой поверхности...

– Копать будем?

– Нужно копать, – отвечал Назар, глубоко затягиваясь терпким дымком. – Что-то мне подсказывает: тут должно быть много всего. Уверен, что до нас здесь не ходили. Но если и были, то прошли бегло.

Лозовский удовлетворенно кивнул – он был точно такого же мнения. Чистый звук металлодетектора, раздававшийся едва ли не на каждом шагу, указывал на то, что «делянка» нехоженная. Хотя по собственному поисковому опыту Влад прекрасно знал, что великолепные находки могут проявляться на одном и том же месте даже после многих розыскных работ. На память пришел прошлогодний случай, когда на небольшом поле, вдоль и поперек исследованном металлодетекторами, совершенно случайно обнаружился клад серебряных монет царской

чеканки. И раскрыл его начинающий поисковик, студент-первокурсник. Устав от металлодетектора, он прислонил его к дереву – и очень удивился, когда тот вдруг буквально стал надрываться от писка, отражая на цветном дисплее высокие гребни диаграмм. Взяв лопату, студент стал копать и на глубине сорока сантиметров отыскал клад из пятисот серебряных монет.

– Договорились, – отозвался Владлен. – А что нашел?

– Пушечное ядро, – в широкой улыбке расплылся Назар, вытащив из сумки небольшой чугунный шар, побитый коррозией.

– Мальчики, дайте взглянуть! – подалась вперед Люся.

– Осторожнее, оно может взорваться, – серьезно предупредил Назар.

– Да ну вас, – отмахнулась девушка. – Вечно вы меня пугаете. Ой, какое тяжелое, – восторженно проговорила она.

– И как, впечатляет?

Находка не редкая, такие сюрпризы встречаются едва ли не всюду в местах схваток между французскими и русскими полками. Однажды Лозовский натолкнулся на целую залежь пушечных ядер – очевидно, на том месте был когда-то оружейный склад.

– Ничего, пойдет, – согласился Владлен, мысленно прикидывая, за сколько можно будет толкнуть такое ядро любителям старины.

В действительности от разведки он ожидал нечто более значительное, рассчитывая на невероятную везучесть приятеля. Не далее как в прошлом году Назару удалось отыскать самый настоящий клад, состоящий из двух десятков золотых монет и четырехсот серебряных. Лежали они в небольшом берестяном сундучке на глубине полуметра, насквозь прогнившем, и оставалось странным, каким образом монеты пребывали в неприкосновенности и не высыпались из сундучка в прошедшие годы. Ведь эту землю на протяжении многих веков бороновали, насиловали плугом. По всему видно, пришлось столкнуться с самым настоящим чудом.

Шелестов вообще был из категории счастливчиков. Там, где иные проходят по многу раз, он всегда отыскивал нечто такое, что вызывало нешуточную зависть у всего кладоискательского сообщества. В тот раз было примерно то же самое. Поле было выбрано заблаговременно, подозревали, что придется зависнуть здесь надолго, а потому решили оборудовать все цивилизованным образом: определили стоянку для автомобилей, сделали навес для кухонного стола и выделили место для туалета. Все произошло в тот самый момент, когда Назар отправился по большой нужде, подхватив под мышку невыключенный металлодетектор. Приспустив штаны, он на некоторое время затаился, а прибор вдруг принялся напоминать о себе свирепым надоедливым пиликаньем. Кто бы мог подумать, что на глубине немногим более метра отыщется сундучок, заполненный золотой и серебряной посудой, подсвечниками, шкатулками, папиросницами, серебряными статуэтками зверей...

Находку решили разделить на всех участников, но даже то, что осталось, тогда в их глазах выглядело настоящими сокровищами пещеры Аладдина; думалось, что денег хватит на ближайшие десять лет. Однако капиталы закончились уже через полгода. Хотя в течение этих шести месяцев с ними произошла масса приятных событий, какие не происходили за всю жизнь. В этой череде увлекательных приключений была и длительная поездка в Таиланд, и круиз по Средиземному морю, и бесшабашная трата денег в дорогих супермаркетах Парижа, и много чего такого, о чем они вспоминали с беззаботным хохотом. Как финал затянувшегося безумства была игра в «Гранд Казино» Монте-Карло, где они спустили последние деньги. Затем справили нужду в соседнем дворике, за что были задержаны французской полицией и провели трое суток в душной каталажке вместе с дюжиной шумных неунывающих арабов. Так что возвращались они на родину с тем настроением, с каким запойный пьяница возрождается к жизни после затянувшегося запоя. С той лишь разницей, что воспоминание о прошедших месяцах доставило им немалое удовольствие.

В Москве началось все сначала: с полусотни рублей на двоих и с желания повторить бесшабашно проведенные месяцы. Что-то подсказывало Владлену, что они стояли на пороге большой удачи, и отражение собственных мыслей он видел в горящих глазах Назара, – однако делиться своими ощущениями тот не торопился.

– А что еще есть?

– Серебряный половник, – просто объявил Назар и тут же поправился: – А может, мельхиор, сразу так и не распознать.

– Это уже поинтереснее. Дай глянуть!

Вытащив из сумки половник, Шелестов протянул его Лозовскому.

– Ой, какая прелесть! – в восторге произнесла подошедшая Людмила.

Половник был грязный, едва оттертый от земли, со следами столетней накипи. Вряд ли он сумеет потянуть на что-то эксклюзивное. Наверняка таких поварешек в каждом уважающем себя доме должно быть по паре. А в том, что он здесь оказался, не было ничего удивительного: все-таки они копались на месте постоянного двора.

Владлен внимательно рассмотрел половник со всех сторон. Ничего примечательного. И тут он вдруг увидел за прилипшей грязью какой-то неразборчивый рисунок. Сорвав пук травы, Лозовский очистил ручку и увидел двуглавого орла в круге. Уже хорошо – следовательно, продать удастся не за копейки. В настоящее время немало таких чудаков, кто желает лопать из половников с царскими клеймами. У самого основания черпака под толстым слоем окаменевшей грязи просматривались какие-то буквы. Вот только никак нельзя было распознать, какие именно.

Отстегнув от пояса армейский нож, Владлен попробовал поскоблить припечатавшуюся грязь. Отвалился небольшой кусочек, и Лозовский увидел такое, от чего к горлу невольно подступил ком. На ручке черпака отчетливо прочитывалась надпись крупными буквами «ФАБ-ЕРЖЕ», а рядышком, подле двуглавого орла, аккуратные инициалы «I.P.» и номер 15076. Это был именник мастера, и принадлежал он Юлиусу Александровичу Раппорту, являвшемуся главным серебряником великого ювелира.

– Где ты его нашел? – спросил Владлен натянутым голосом.

– Вон, около того бугра, – беспечно кивнул Назар в сторону небольшого пригорка, заросшего полынью. – Чего ты напрягся? Что-то серьезное?

– Это клеймо Фаберже, точнее, одного из лучших его мастеров, Юлиуса Раппорта.

– Неужели? – невольно ахнул Назар. – Вот так почин!

Кроме дорогих вещей, украшенных драгоценными камнями и платиновыми вставками, фирма Фаберже производила изделия, которые могли приобрести люди со средним достатком. Именно таковым и был половник, украшенный тонкой позолотой.

– Представь себе. Юлиус Раппорт специализировался на убранстве стола. Делал подносы, кружки, подстаканники...

– Сколько это может стоить? – заинтересованно спросил Шелестов.

– Точно сказать трудно. Но если навскидку, думаю, что потянет на тысячу баксов, а может быть, даже больше. Тут все зависит от спроса.

– То есть на каждую вещь нужен свой покупатель...

– Ты правильно сформулировал.

– Для начала неплохо.

– Уверен, что если здесь есть одна такая находка, то наверняка должна быть и другая. Это как грибы, нужно только хорошо поискать.

– Работаем дальше? – с энтузиазмом предложил компаньон.

– Знаешь что, у меня есть предложение получше, – вспомнил Владлен слова Кощея. – В Староконюшенном переулке скоро будут перестраивать дом, об этом мало кто знает. Давай попробуем пошуровать в нем. Уверен, что нам повезет. А этот ковш не что иное, как знак.

Шелестов задумался.

– Но нас туда никто не пустит. Сейчас с этим строго.

– Заплатим сторожу пару штук и уладим дело.

– Идея, конечно, хорошая, но как-то уж очень неожиданно... Чего это ты вдруг повернул?

Вроде бы все заладилось...

Вытащив из кармана листок, Владлен протянул его Назару.

– Возьми.

– Что это?

– Ты что-нибудь слышал о саквояже Фаберже?

Пожав плечами, Назар ответил:

– Только в общих деталях. Знаю, что мастер передал его на хранение в норвежское посольство, а те его не уберегли. Кажется, был налет и сокровища исчезли.

– Совершенно верно, – согласился Лозовский и рассказал Назару все, что услышал от Кошея. – Это поле от нас никуда не денется, мы здесь все равно свое возьмем. А вот Староконюшенный переулочек может обыскать кто-нибудь другой, пока мы здесь с тобой будем копать. У нас всего лишь пара дней!

– Возможно, ты и прав, но как-то уж масть пошла... – терзался в сомнениях Назар. – Не хочется оставлять. Еще неизвестно, найдем мы там что-нибудь или нет...

– Чудак человек! Дом в Староконюшенном нужно обязательно осмотреть сейчас, даже если мы не найдем там никакого сундука Фаберже. Ну, потеряем день-другой, только и всего! Все эти старинные дома реально напичканы драгоценностями, просто нужно уметь искать. Сам подумай, сколько лет тому зданию? Сто лет?.. Двести? Может, двести пятьдесят?.. У нас в России всякий раз случаются какие-нибудь беспорядки. Две революции только чего стоят! Вот народ и прячет свои сокровища по щелям и закуткам. Нам достаточно только хорошо поработать с металлодетектором... Так ты со мной?

Назар широко заулыбался:

– После того, что ты рассказал, мне хочется бежать на Староконюшенный.

– Не так быстро. Давай хотя бы перекусим, а уж там в дорогу.

Глава 4

Заказ царя, или Яйцо Фаберже

1915 год, июль

Государь Николай Второй принял Петера Карла Густавовича Фаберже в Царском Селе, в личных покоях Александровского дворца. Подобной чести удостаивались немногие. Николай Александрович вообще предпочитал хранить свою семейную жизнь от посторонних.

В кабинете государя было скромно, никаких излишеств, лишь самое необходимое: небольшой квадратный стол, на котором стояла высокая чернильница с ручкой, пресс-папье, фарфоровая ваза с алыми розами (поставила государыня, а возразить Николай Александрович не посмел) и несколько листов бумаги, сложенных в аккуратную стопку; рядом два стула, у стены коротенький диван. Из украшений на стенах висели лишь две небольшие французские гравюры, да еще высокий светильник в стиле Людовика Четырнадцатого, стоявший в самом углу.

Фаберже, поблагодарив, устроился на указанном стуле и положил на стол свой знаменитый старый кожаный саквояж. Год назад царь заказал для своей матери Марии Федоровны и супруги Александры Федоровны пасхальные яйца и сейчас с волнением наблюдал за тем, как ювелир достает из саквояжа один за другим два футляра – один из малахита, а другой из лазурита с золотыми застежками.

Традицию дарить пасхальные яйца с сюрпризами заложил в 1885 году Александр Третий, преподнеся своей супруге яйцо «Курочка». Внутри яйца, покрытого белой эмалью, имитирующей хрупкую скорлупу, находился желток, а в нем – курочка, изготовленная из золота, в которой пряталась рубиновая корона. На следующий год царь подарил уже яйцо-курочку с сапфировыми портретами детей. Столь красивые подарки преподносились до самой его смерти. Николай Второй не посчитал нужным обрывать традицию и уже в первый год своего царствования, в 1895 году, подарил матери яйцо «Двенадцать монограмм», а супруге – «Яйцо с бутонem розы». Внутри цветка помещалась корона, в которой был спрятан кулон с сердечком.

Пасхальные яйца заказывались каждый год, к их изготовлению привлекались лучшие ювелирные мастера, и производились они всегда из лучшего благородного металла и особо красивых драгоценных камней. Дом Фаберже всякий раз удивлял царствующую семью своей неистощимой фантазией и ювелирным талантом.

Но в этот раз, в первый год Отечественной войны, государь решил заказать нечто особенное. И после некоторых размышлений решил, что матери подойдет яйцо «Красный Крест», где в качестве сюрпризов будут пять портретов: двух его дочерей, сестры, жены и кузины царя в форме медсестер. А жене он подарит яйцо «Ангел-Хранитель», где в качестве сюрприза будет небольшая золотая кроватка с маленьким Алексеем.

Весь прошедший год Николай Второй неизменно интересовался, как проходит работа, и Фаберже, зная дотошность государя, подробнейшим образом рассказывал ему о своих задумках и на фотографиях показывал выполненные детали.

Теперь шкатулки лежали на столе. Государю осталось только по достоинству оценить талант мастеров. Вот только открывать шкатулки Фаберже отчего-то не торопился. Николай Александрович, стараясь скрыть нарастающее нетерпение, поглаживал черного французского бульдога по кличке Ортино. Княгине Татьяне его подарил выздоравливающий офицер лейб-гвардии Уланского Его Величества полка Дмитрий Малама, но пес отчего-то предпочитал общество государя, и Николай Второй ничего не имел против такой компании.

Животных в покои государя не пускали (во дворе Александровского сада проживало еще одиннадцать собак, две козы, один осел и даже слон, для которого сделали специальный

вольер), но для бульдога ввели исключение. Похоже, что пес тоже оценил расположение государя и смирно лежал под его мягкой рукой, показывая белые клыки.

Открыв шкатулку из малахита, Карл Фаберже вытащил пасхальное яйцо «Красный Крест с портретами» и аккуратно поставил его перед государем. Поверхность яйца была белой, какой должна быть скорлупа, а на боковой стороне был нарисован красный крест, украшенный императорскими символами.

Подняв пасхальное яйцо, Николай Александрович не торопился его открывать, как если бы хотел убедиться в безукоризненности выполненной работы, осмотрел его со всех сторон, а потом, приподняв изящную крышечку, вытащил сюрприз: четыре портрета, сцепленные между собой золотыми застежками. Долго всматривался в родные лица жены и дочерей, облаченных в одежду сестер милосердия, и произнес едва слышно:

– Замечательная работа. – Перевел взгляд на ювелира, затаившего дыхание, и добавил: – Всякий раз не перестаю удивляться, как это вам удается. А здесь... совместить красоту и горечь... такое под силу только очень великому мастеру.

– Просто я очень люблю свое дело.

– Нисколько не сомневаюсь в этом. Просто великолепно!

– В работе ничего лишнего, ваше величество. Все строго!

– Это то, что нужно.

– Было много вариантов, ваше величество, но мы решили остановиться именно на этом.

И я уверен, что мы не ошиблись.

Аккуратно уложив яйцо в шкатулку, Николай Александрович потянулся за вторым яйцом, но пес, сидевший у него на коленях, неожиданно вцепился зубами в край скатерти и, забавляясь, потянул ее на себя. Ваза тотчас перевернулась и, прокатившись по столу, слетела на пол, раскидав мелкие обломки далеко по паркету.

– Ортино, перестань! – крикнул государь. – Безобразник!

Шкатулка опрокинулась, и из нее на стол выкатилось яйцо «Ангел-Хранитель». Подкатившись к самому краю, оно остановилось, но пес, забавляясь новой игрой, вновь дернул на себя зажатую в зубах скатерть. В следующее мгновение яйцо сорвалось с кромки и с треском ударилось об пол.

– Ортино! Негодная псина! – Государь выглядел расстроенным. – Что же ты наделал? – Он поднял расколовшееся яйцо. – Вы можете что-нибудь сделать?

Фаберже взял пасхальное яйцо. Губы сжались в прямую линию, скрывая огорчение.

– Ваше величество, работу можно исправить, – осмотрев яйцо, сказал он. – Правда, на это уйдет некоторое время.

– Вы успеете до Пасхи?

– Сожалею, ваше величество, – развел руками Фаберже, – но полагаю, что это невозможно. Получится совсем не то, что вы хотели бы увидеть.

Государь огорченно покачал головой.

– Господи, каждый год я дарил по пасхальному яйцу матушке и Аликс... В этом году они ждут от меня опять какого-нибудь интересного сюрприза. Если я не сумею преподнести им что-нибудь оригинальное, то они будут разочарованы.

– У меня есть решение, – негромко произнес Фаберже.

– Какое? – с надеждой посмотрел царь на ювелира.

– Сейчас я как раз завершаю работу над пасхальным яйцом для семьи Ротшильдов. Оно будет весьма оригинально раскладываться на три части в виде триптиха. Осталось изготовить только сюрприз... Мы не обговорили точные сроки. Думаю, что Эдмонд Ротшильд не станет на меня сердиться, если я немного задержу заказ.

– Если вы так считаете...

– Он весьма милый человек... Ваше величество, что, по-вашему, у него должно быть внутри?

– В нем должны быть портреты великих княгинь Ольги и Татьяны.

– Хорошо, – сделал в блокнот пометку мастер. – А каков должен быть сюрприз?

– Идет Отечественная война... Мы не можем позабыть этого. Я бы хотел сцену сошествия в ад. – Нахмурился. Подумав о чем-то своем, государь перекрестился. – Господи, дай силы России миновать все это... А еще изображение святых Ольги и Татьяны.

– Сделаю все в точности, ваше величество, – пообещал Фаберже. – Вы не возражаете против названия «Триптих Красный Крест»?

– Согласен. Буду вам очень признателен, Карл Густавович, если вы меня выручите. Ох, несносная собака, – поднял государь руку. В какой-то момент Фаберже показалось, что царь ударит пса, но нет, ладонь мягко опустилась на его спину. – Надо запретить ему входить в мой кабинет. А яйцо «Ангел-Хранитель» я у вас забираю. Думаю, что со временем эта вещь отыщет своего хозяина.

– Переделывать его – действительно очень большая работа. Проще сделать заново. Но я могу зашлифовать трещину, она практически не будет заметна, – взял Фаберже со стола треснувшее яйцо.

– Хорошо, пусть будет так. Посчитайте, сколько будет стоить дополнительная работа.

* * *

Негромко постучавшись, в личные покои государя вошел флигель-адъютант князь Семен Трубецкой. Открыв портсигар, Николай Александрович прикурил от торчавшего с краю фитиля, зажигавшегося каким-то хитроумным образом: не то от трения, не то еще от какой-то мудреной механики. На столе у государя было несколько листов бумаги и небольшая чернильница с воткнутым пером. Резных статуэток он не терпел, и его стол больше напоминал рабочее место какого-нибудь чиновника средней руки. Не носил император и золотых украшений, единственное, что он себе позволял, так это обручальное кольцо с сапфиром, подаренное Александрой Федоровной, когда она была еще его невестой, принцессой Алисой Гессенской. Да вот еще крохотный гладкий крестик на шее, на обыкновенной неброской цепочке из круглых колечек, который можно было увидеть лишь во время купания.

– Что у вас, Семен? – негромким голосом спросил государь.

Князя Трубецкого всегда подкупала обаятельная простота императора, с которой он одинаково обращался как к своим слугам, так и к главнокомандующим. Именно в ней и заключалось настоящее русское величие.

– Пришла телеграмма от начальника Генерального штаба Николая Николаевича Янушкевича.

– Вот как... Что в ней?

– Он пишет, что намечается значительная переброска войск неприятеля с Западного фронта на Восточный.

Закрыв портсигар, Николай Александрович аккуратно положил его на стол. Кто бы мог подумать, что военная кампания, начавшаяся столь победоносно, перерастет в затяжную войну... Уже в этом году военное командование рассчитывало завершить победоносное наступление в Галиции, и вот теперь переброска войск спутала первоначальные планы. По существу, Россия оставалась один на один с объединенными австро-германскими силами, а основные союзники, Англия и Франция, не сумели совершить ни одного контрнаступления, чтобы как-то облегчить положение русской армии. И это было крайне досадно!

– Он написал, чем это может грозить России?

– Так точно. Австро-германские войска по численности будут значительно превосходить русские. Один из возможных вариантов продолжения войны – сдать Львов и Перемышль.

– Весьма скверно... Мы ведь их только что взяли, – глухо обронил государь.

– Не исключено, что отступление продолжится и дальше. Возможно, что оно произойдет по всему фронту. Для Австрии и Германии важно разгромить Россию и вывести ее из войны. Только так они могут победить. Сейчас никто даже не берется предположить, где именно останутся русские войска. Обо всем этом начальник Генерального штаба намеревается переговорить с вами лично и хочет немедленно выехать в Царское Село.

– Телеграфируйте ему вот что... Пускай остается в Ставке. И если положение столь тяжелое, то он должен организовать планомерное отступление войск. Мы должны дорожить каждым солдатом. А в случае наихудшего сценария не должно быть никакого повального бегства.

– Слушаюсь, ваше величество! Разрешите идти?

– Ступайте, – отвечал Николай Второй.

Флигель-адъютант развернулся, чтобы уйти.

– Хотя постоит... Отпишите главнокомандующему, что я немедленно выезжаю в Ставку. Еду не один – с наследником, нужно поддержать солдат своим присутствием.

– Ваше величество, смею возразить, Алексей Николаевич болен. Болезнь может обостриться в любую минуту, ему лучше бы остаться в Царском Селе, дорога неблизкая...

Николай Александрович внимательно посмотрел на флигель-адъютанта – прежде за ним не водилось возражать государю, – вновь потянулся за портсигаром, но неожиданно оттолкнул его кончиками пальцев.

– Возможно... Но я не могу поступить по-другому, – негромко сказал он. – Я вместе со своим сыном должен быть там, где сейчас труднее всего моему народу. Уже все решено, выезжаем завтра!

– Сборы могут занять несколько дней... – нерешительно отвечал князь Трубецкой.

– Я полагаю, что нужно постараться управиться за несколько часов.

– Нужно обставить вагон...

– Это ни к чему, – отмахнулся Николай Второй, привыкший обходиться самым малым. – Нам много не нужно. Возьмем все самое необходимое: стол, бумагу, письменные принадлежности и полку, где можно будет прилечь.

– Но условия весьма трудные и...

– Если сейчас трудно моим солдатам, – перебил Николай Второй, – так почему должно быть легко мне?... И еще... я бы хотел, чтобы со мной поехал доктор Деревенко.

– Я ему сообщу.

– Ступайте.

Козырнув, флигель-адъютант вышел из государева кабинета.

Сунув портсигар в карман, Николай Александрович направился в будуар Аликс, чтобы сообщить о своем решении немедленно выехать в Ставку.

* * *

На следующий день ровно в два часа дня императорский поезд отправился в Могилев, где размещалась Ставка командования. Расположившись у приоткрытого окна, царевич Алексей с интересом наблюдал за быстро меняющейся панорамой, оживленно реагируя на занимательные сцены: на стада коров, пасшихся по обширным лугам, на баржи, проплывающие под мостами, на артиллерийские орудия, дожидаящиеся погрузки на полустанках.

Неожиданно лицо наследника приняло болезненное выражение, он отошел от окна и присел на кровать.

– Что с вами, ваше высочество? – подошел Владимир Деревенко, лейб-медик императорской семьи.

– Что-то голова заболела, – негромко отвечал побледневший царевич.

– Ложитесь... Вам надо себя беречь.

Поморщившись от накатившей боли, Алексей лег на постель – и тотчас, заливая белоснежные наволочки, из его носа обильно хлынула кровь.

– Ваше высочество, запрокиньте голову! Вот так, – аккуратно подправил голову наследника лейб-медик. – Все будет хорошо, вы только не волнуйтесь.

Деревенко подхватил со стола аптечку и, быстро вытащив из нее тампоны, приложил к носу. Хлынувшая кровь тотчас испачкала манжеты, рукава сюртука, но, не обращая на это внимание, он продолжал удерживать тампоны у носа. Те мгновенно пропитались кровью.

– Воды! Кто тут есть?! – выкрикнул в тамбур доктор.

На крик с кувшином в руках подскочил санитар.

– Ваше высочество, слегка приподнитесь, все будет хорошо, – уверенным голосом произнес Деревенко. – Запрокиньте слегка голову... Да позовите же государя!

Скинув сюртук и засучив рукава, он взял кувшин и принялся промывать полость носа, освобождая ее от сгустков крови. В какой-то момент лейб-медику показалось, что ему удалось остановить кровотечение, но неожиданно кровь потекла с прежней силой. Соорудив марлевую повязку, Деревенко промокнул ее в перекиси водорода и приложил к носу. Кровь уже не хлестала, только слегка просачивалась через марлю.

Вошел Николай Второй, держался уверенно, но взгляд был строгим, лицо побледнело.

– Как Алексей? – глухо спросил государь, посмотрев в обескровленное лицо сына.

– Ваше величество, я бы посоветовал вам немедленно возвращаться в Царское Село. Этот вагон не оборудован для дальнейшего лечения наследника. Возможно, царевичу потребуются переливание крови, а сделать это в полевых условиях будет весьма и весьма затруднительно.

– Меня ждут в Ставке, – несколько растерянно произнес Николай Александрович, глядя в бледное лицо сына. – С Янушкевичем предстоит весьма важный разговор. Его никак нельзя отложить.

Он взял в свои ладони руку сына, показавшуюся ему невероятно холодной, лицо мальчика выглядело безжизненным, напоминая восковую маску.

– Извините меня за откровенность, ваше величество, но в таком случае вы можете потерять наследника. Я вынужден вам сказать со всей прямотой: положение Алексея весьма серьезное. Признаться откровенно, даже затрудняюсь сказать, что можно предпринять в такой ситуации.

– Сделайте что-нибудь... Вы ведь все-таки врач.

– Я делаю все, что могу, ваше величество, но в полевых условиях... Даже не уверен, возможно ли остановить кровь по приезде, – тише прежнего произнес лейб-медик. – Попробуем ввести белок, надеюсь, что эта мера поможет. Но полной гарантии я вам дать не могу. Решайте, государь, дорога каждая минута!

– Хорошо... Мы возвращаемся, – принял решение Николай Второй. Увидев стоявшего в проходе флигель-адъютанта Трубецкого, он распорядился: – Отправьте в Царское Село телеграмму, пусть разыщут Григория. На него вся надежда...

– Слушаюсь, ваше величество, – с готовностью отозвался князь.

* * *

В Царское Село императорский поезд прибыл поздним вечером. Полностью остановить кровь у царевича не удавалось. Просачиваясь через бинты и марли, она обильно запачкала его одежду, и наследник, лежа на окровавленной простыне, выглядел усопшим.

Паровая машина, громко пыхнув, сбавила скорость. Колодки тормоза закрипели, брякнули металлом движущиеся оси, и паровоз встал.

Среди встречавших поезд, неожиданно оказавшихся в значительном количестве, государь тотчас выделил высокую фигуру старца Григория Распутина. Подле него, выглядывавшая девчонкой-подростком, стояла Аликс. На императрице было темное приталенное платье и шляпка с узкими полями. На первый взгляд лицо у нее было спокойное, лишенное каких бы то ни было переживаний, и только в глазах прочитывалась непереносимая мука.

Пронзительные глаза Григория впились в окна царского вагона. Натолкнувшись взглядом на угрюмое лицо государя, он едва кивнул и уверенно зашагал в сторону открывающейся двери.

Ожидать пришлось недолго. Минуты через две с большим бережением на узких походных носилках двое санитаров вынесли на перрон наследника, лежавшего без сознания и укрытого обыкновенным солдатским байковым одеялом. Лицо у Алексея было восковым, напрочь лишенным признаков жизни и вызывало острую жалость у всякого, кто видел его в эту минуту. По толпе собравшихся прошелся стон. Статс-дама Вырубова, близкая подруга Александры Федоровны, не сумев сдержать нахлынувших чувств, негромко произнесла:

– Бедный Алешенька! За что же ему такое? Растет славным добрым мальчиком... И тут напасть!

Императрица шагнула навстречу носилкам, губы, неестественно белые, сжались в крепкую ниточку, образовав в уголках небольшие морщины.

Государь вышел следом за санитарями и, погладив наследника по руке, распорядился:

– Несите... Только прошу вас, не оступитесь!

Александра Федоровна подошла к Деревенко.

– Насколько серьезно?

– Положение весьма нешуточное, – не отважился посмотреть в глаза императрице лейб-медик, как если бы чувствовал свою вину за все случившееся. – Может произойти всякое. Чего мы только не пробовали: удерживали тампонами, вводили инъекции... Ничего не помогает.

– Неужели нет больше никаких средств?

– Есть еще одно снадобье. Можно попробовать железу морских свинок, чтобы...

– Да помолчал бы ты, – неожиданно оборвал доктора старец Григорий. Приблизившись к носилкам, он неожиданно для всех поднял наследника на руки и произнес: – Пойдем в дом, Алешенька, все будет хорошо.

– Позвольте! Ему так нельзя! – кинулся вдогонку за Григорием Деревенко.

– Оставьте его, – попридержал за рукав лейб-медика государь. И уже тише, явно ругая себя за несдержанность, добавил: – Так надо. Григорий знает, что делает.

Распутин, возвышаясь над собравшимися едва ли не на голову, с наследником на руках медленно направился ко дворцу через расступающуюся толпу. Неожиданно Алексей пробудился и открыл глаза, посмотрев на старца, улыбавшегося ему ласково, тихонько произнес:

– Григорий...

Императрица, находившаяся рядом, не в силах более справляться с душившими ее страданиями, невольно всхлипнула и отвернулась, не желая показать свою слабость собравшимся.

– Не тужи, матушка, – обратился Григорий Распутин к императрице, – с Алексеем все будет хорошо.

– Может, все-таки на машине, Григорий Ефимович? – негромко предложил флигель-адъютант. – До Александровского дворца неблизко.

– Не надобно... Уж как-нибудь доберемся, – проговорил старец. – Так ему лучшее. А я покудова молитву почитаю, чтобы кровь унялась.

Следом за Григорием, державшим наследника на руках, не отваживаясь обойти его даже на полшага, потянулись остальные собравшиеся, оставив свои экипажи на привокзальной площади. Императрица, уже окончательно успокоившись, понимала, что болезнь отступила тотчас с приходом старца. А император, серьезный и какой-то даже торжественный, шагал вместе со всеми за Распутиным, как если бы составлял его свиту.

– Расступись! Расступись! – выкрикивал молоденький адъютант на народ, выстроившийся по обе стороны дороги.

Встревоженно и с озабоченными лицами сельчане смотрели на необычную процессию и, крестясь, отходили в сторону.

* * *

В опочивальне уже все было готово. Положив Алексея на кровать, Распутин вытащил у него из носа торчавшие тампоны. Некоторое время старец стоял у его изголовья с закрытыми глазами и что-то нашептывал. Императрица, встав на колени у ног наследника, негромко читала молитву. Наконец Григорий открыл глаза, поднял бережно за плечи императрицу и произнес негромко:

– Пойдем, матушка, наследнику нужно отдохнуть. Болезнь отошла.

Императрица отняла от мокрого лица ладони и, чуть ссутулившись, покорно последовала за Распутиным. Алексей спал, дыша глубоко и ровно, набираясь сил к завтрашнему дню. Кожа на его лице заметно порозовела.

– Это невероятно, – негромко произнес Деревенко, стоявший у дверей. – Если бы я не был свидетелем произошедшего, то никогда бы не поверил в увиденное. Иначе, как чудом, подобное не назовешь. Кровь у наследника свернулась. Он выздоравливает на глазах!

– Ты бы, барин, шел отседова, – угрюмо посоветовал Распутин лейб-медику. – Лексею сил набираться надобно, а ты все бормочешь. – И, не дожидаясь ответа, прошел в коридор. – Все будет хорошо, Николай Ляксаныч, – обратился он к самодержцу.

Государь вяло улыбнулся.

– Мы очень на это надеемся, Григорий, – отвечал он глухим голосом.

– Я еще приду, – пообещал Распутин. – Посмотрю, как там Лексей.

– Хорошо, Григорий. Ступай!

Наследник восстанавливался очень быстро. Уже вечером, пробудившись от тяжелого сна, он вдруг попросил куриного супа, что делал крайне редко. А утро начал с гимнастики, как это было у него заведено, когда бывал здоров, и даже попросил «дядьку» облить его из кувшина колодезной водой для закали.

– Свершилось чудо, – не скрывая слез радости, беспрестанно приговаривала императрица. – Алексей пошел на поправку. – Надо отблагодарить Григория. Он столько делает для наследника!

– Но как? – в смущении ответил Николай. – Он ведь не берет никаких денег. Ему вообще ничего не нужно!

– Николя, я тебя очень прошу, сделай ему какой-нибудь подарок, – взмолилась Александра Федоровна. – Он не сможет тебе отказать.

– Хорошо, Аликс, – согласился император. – Я что-нибудь придумаю.

Глава 5

Тайник, или Остаться в живых

Более благодатное место для кладоискательства, чем лабиринты многочисленных переулков Арбата, подобрать трудно. Через них прошла вся сложная и бурная история Москвы. Арбатские переулки сумели вместить в себя едва ли не все российские события, помнили как разорение, так и процветание державы. Едва ли не каждый дом на Арbate, во все времена принадлежавший состоятельным владельцам, обладал собственной живописнейшей историей. А Староконюшенный переулок среди многочисленных арбатских улочек имел особое значение. Именно с него Москва стала застраиваться доходными домами. Граждане, не очень-то доверяя банковской системе, припрятавали свои сбережения в подвалах, замуровывали их в толстой кладке стен. А потому при последующей реставрации зданий или при дальнейшей внутренней планировке нередко обнаруживались клады, поражавшие самое богатое воображение.

Дом бригадира Новосельцева находился в конце переулка, где прежде располагалось имение Гагариных, что само по себе весьма примечательный факт. Стало быть, соседи также были весьма обеспеченные люди: могли позволить себе шикарно обставленные апартаменты, многочисленную прислугу и собственный выезд.

В Староконюшенный переулок подъехали далеко за полночь, опасаясь ненужных глаз (понимая, что отделаться от Людмилы не получится, Владлен решил взять ее с собой). Снаружи доходный дом бригадира Новосельцева представлялся обыкновенным пятиэтажным зданием, какие предпочитают малоимущие артисты, грезящие о значительных ролях и бенефисе, да начинающие литераторы и художники, желающие заявить о себе миру нетленными произведениями и полотнами. Честолюбивые мечты обывателей подкреплялись близким соседством с князьями Друцкими, Кропоткиными и Гагариными, графами Толстыми и Головиными. В таких домах проживали прехорошенькие артистки театров, у которых, как правило, имелись весьма состоятельные покровители. Так что Староконюшенный переулок для предстоящих поисков оставался весьма перспективным местом.

Машину, старенькую «Тойоту», чтобы не привлекать к ней ненужного внимания, решено было поставить под сенью могучей липы: густая тень легла на крышу и капот, обозначив лишь неотчетливые контуры. Взяв металлодетекторы, упакованные в небольшие аккуратные чемоданы, кладоискатели зашагали по переулку к дому бригадира Новосельцева.

– Вот посмотрите, – кивнул Владлен на высокую крышу, – здание со всех сторон перекрыли заборами, просто так не подойти.

– А что они собираются там делать? – проявила интерес Людмила.

Пожав плечами, Лозовский ответил:

– Дом купил не то какой-то олигарх, не то банкир. Собирается переделывать его в офис.

– Нехило! Самый центр Москвы, а потом офис в таком месте – это уже само по себе визитная карточка серьезного человека. Подразумевает большие возможности и немалые сбережения.

Территория дома была огорожена двухметровой металлической оградой; вход запирался крепкими воротами, сваренными из стальных листов, подле которых стоял строительный балок, какими обычно пользуются ремонтные бригады. У распахнутых дверей с папиросиной в зубах сидел жилистый крепкий сторож в камуфляже и тоскливым взглядом наблюдал за подошедшими.

– Как и договаривались, – широко улыбнувшись, произнес Владлен. – Пришли без опозданий.

Взяв папиросу длинными пальцами, сторож угрюмо обронил:

– Ты сказал, что один подойдешь, а приволок с собой целую толпу... Как это понимать?

– Но ведь...

– ...Мне неприятности ни к чему. Тут такие люди, что в два счета вышибут! Где мне потом работу искать? К тебе, что ли, пойти?

В глазах сторожа прочитывалась смертельная скука. Оно и понятно: впереди бессонная ночь, и ее следовало как-то пережить.

– Послушайте, мы шуметь не будем, просто пройдемся немного.

По постной физиономии сторожа было понятно, что одного обещания маловато. В преддверии предлинной ночи требовалось нечто более осязаемое. Хмыкнув, он произнес:

– Ясное дело, что не будете.

Становилось ясно, что просто так на огороженную территорию не пройти. Сторож стоял у ворот, будто бы Змей Горыныч у зарытого клада.

Порывшись в карманах, Владлен выудил несколько банкнот и протянул их сторожу. Тот взял деньги безо всякой спешки, не считая, сунул во внешний карман куртки и едва кивнул, как если бы делал одолжение:

– Э-эх, если бы вы знали, в каком месте и у каких людей мне приходилось служить, а сейчас приходится сшибать какие-то копейки!..

– Не такие уж это и копейки, – нетвердым голосом попытался возразить Лозовский. – А потом, ведь на эти деньги можно...

– Ладно, проходите, – великодушно разрешил сторож, не дослушав. – В семь вас здесь не должно быть.

Открутив проволоку, стягивающую ворота, он широко распахнул створки. Несмазанные петлицы потревожили ночь, неприятливо скрипнув.

Двор был захламлен строительным мусором, в углу лежал сваленный кирпич, а тропу загораживали две трубы.

Здание было большим, такое в один заход не осмотреть. Следует торопиться, до семи часов утра не так уж много времени. Если основательно покопаться, то в таком старом доме, как этот, можно отыскать немало интересного. Сторож даже не заподозрит, что в действительности охраняет пещеру Аладдина.

– С чего начнем? – спросил Назар, осмотрев дом. В его голосе почувствовалась тревога и некоторое волнение перед предстоящей работой.

Прямо перед ним было три подъезда с высоким широким козырьком над входом, наверняка сохранившимся с того самого времени, когда здесь проживала аристократическая богема. Правда, крайние навесы немного уступали в изысканности: были слегка покороче, поуже и с бедным облицовочным камнем (видно, подъезды предназначались для людей с меньшим достатком). «Интересно, уберут эти козырьки или оставят их в неизменности?» – мимоходом подумалось Владлену.

– Давайте начнем отсюда, – показал Лозовский на средний подъезд.

Прошли вовнутрь здания, а далее проследовали по коридору, оказавшемуся необыкновенно просторным. По обе стороны чернели дверные проемы. Невольно подумалось о том, что вместе с рухлядью бывшие жильцы вынесли с собой и двери. Так оно даже лучше – не нужно ломать голову, как проникнуть в помещение.

Поднялись на второй этаж, называемый бельэтажем, обычно в нем проживали самые состоятельные жильцы дома. Если начинать поиски, так непременно с него.

Первая квартира была большой, с огромным залом и тремя высокими окнами, выходящими во двор, по обе стороны от зала располагались комнаты поменьше. На полу разбросаны фрагменты штукатурки, обломки кирпичей, россыпью валялись дюймовые гвозди, по углам свален какой-то сор – все то, что обычно называют строительными отходами. Если покопаться в них пообстоятельнее, наверняка можно будет отыскать нечто ценное. Обычно профессиональные кладоискатели мимо такого не проходят, а некоторые даже просеивают, стараясь отыскать

нечто ценное. Не далее как в прошлом месяце в похожем доме среди строительного мусора оказалась старинная заколка с бриллиантом на пять карат и несколько перламутровых пуговиц с верхней одежды начала девятнадцатого века, весьма высоко ценящихся среди коллекционеров. Будь времени поболее, можно было просканировать мусорную кучу всерьез...

Назар Шелестов по-деловому собрал металлодетектор и двинулся к подоконнику. Решение правильное – там зачастую отыскиваются самые невероятные вещи.

Людмила с интересом озиралась по сторонам, где все еще просматривались следы былого великолепия: в углу комнаты встроен старинный камин, выложенный мелким кафелем с каким-то красным рисунком, а в других углах длинными широкими плашками оставался паркет. Такой сейчас не изготавливают, его можно повстречать разве что во дворцах времен Екатерины Великой.

Собрав металлодетектор, Лозовский направился к камину. Уж если где и спрятан клад, так непременно в дымоходной трубе. Лучшее место для схрона отыскать сложно. В прошлом году он был свидетелем того, как в печной трубе, которая не знала дыма лет пятьдесят, один из кладоискателей нашел небольшой мешочек с серебряными монетами. Ткань истлела настолько, что мешочек тотчас рассыпался у него в ладонях, наполнив комнату серебряным звоном.

Ткнув поисковую катушку в черный зев камина, Владлен даже не удивился тому, что прибор усиленно зазвенел. На экране взметнулась синусоида, указывая на присутствие цветного металла. Вот так удача!

– Что-то нашел? – взволнованно спросила подошедшая Людмила.

– Посвети в тот угол, – напряженным голосом попросил Владлен.

Вытащив фонарь, девушка посветила в топку. Желтый овальный круг осветил огнеупорные швы. В самом низу камина, у поддувала, лежал маленький серебряный крестик. находка обыкновенная, такие сюрпризы встречаются едва ли не в каждой квартире, однако металлодетектор пищал так, как если бы обнаружился, по крайней мере, сундук, набитый златом.

Подняв крестик, Владлен положил его в карман.

– Хорошая примета – значит, повезет, – будто бы оправдываясь, произнес он.

– С почином, – улыбнулась Людмила.

Показаниям металлодетектора удивляться не следовало: статистика показывает, что едва ли не в каждой квартире отыскивается с полсотни монет разных исторических эпох. Чаще всего мелочь закатывается в щели. Иногда судьба преподносит кладоискателю сюрпризы, от которых просто захватывает дух. И Лозовский очень надеялся, что сегодняшний день как раз тот самый случай. Оставалось поискать тайник в верхней камере на газовом пороге. Он препятствует выбрасыванию из трубы искр и защищает топку от встречных потоков, чтобы не произошло задымления помещения. Там же устанавливается лоток-сажесборник, на котором хозяева часто прячут свои драгоценности. Вполне подходящее местечко для какой-нибудь мельхиоровой шкатулки, заполненной дорогостоящими украшениями. Три года назад Владлен невольно стал свидетелем одного случая, когда на такую же полку прежний хозяин квартиры положил учебную лимонку. Надо было видеть лицо кладоискателя, позеленевшее от страха, – в тот момент он уже попрощался с жизнью...

Вытащив из сумки фонарь, Лозовский посветил в топку и, стараясь не перемазаться о вековую сажу, потянулся к полке. Рукав куртки за что-то зацепился, и она, прося снисхождения, тонко затрещала. «Проклятье! – невольно чертыхнулся Владлен. – Ведь еще не старая...» Пальцы осторожно притронулись к краю и, пытаясь отыскать нечто заповедное, натолкнулись на несколько монет. Взяв их в ладонь, Лозовский осторожно вытащил из топки руку.

– Что там? – нетерпеливо спросила Люся.

Оставалось только удивляться ее желанию отыскать нечто особенное. Одни кладоискатели, покопавшись в брошенных домах и заросших репейником полях, быстро усваивали, что удача идет навстречу кому-то другому, и давно забросили нестабильный промысел, занявшись

более приземленными делами – устройством личной жизни, построением карьеры, наконец, разведением помидоров на приусадебном участке. Другие, посчитав прежние годы чудачеством молодости, поменяли дорогие металлодетекторы на детские коляски и сделались заботливыми родителями. А Люся, расширив от азарта глаза, в полном восторге от происходящего, все еще надеялась увидеть нечто такое, отчего захватило бы дыхание и что стало бы предметом для разговоров где-нибудь на аукционе «Сотбис». Возможно, что ей когда-нибудь улыбнется удача...

Лозовский невольно улыбнулся, глядя на взволнованное лицо девушки.

– Мне бы не хотелось тебя расстраивать, но я ничего не нашел.

– А что в ладони?

– А ты любопытная...

– Влад, не вредничай, покажи! Может, там золото!

Разжав пальцы, Влад увидел на ладони несколько монет советской эпохи. Не иначе как на полку их туда положил какой-нибудь шутник. Возможно, что лет через двести они будут представлять для нумизматов какой-нибудь интерес, но сейчас это всего лишь легированные кругляшки, не стоившие даже рукава разорванной куртки.

– Можешь взять себе, – милостиво разрешил Лозовский.

– Фи! – поморщилась девушка.

Назар, позабыв обо всем на свете, ходил по комнатам и собирал пятаки, оброненные лет сто пятьдесят назад. По большому счету это тоже были неплохие находки, и коллекционеры расплачивались за них полновесно. Можно считать, что поиски прошли удачно, если удастся погасить хотя бы имеющиеся траты. Владлен вспомнил прошлогоднюю экспедицию под Великий Новгород в какую-то дремучую чащу. Поиски кладов затянулись на четыре долгие недели, в результате чего была найдена куча всякого мелкого серебра и множество монет. Но даже ворох средневековых безделушек не окупал всех тех затрат, что они понесли. Да, прошлогодний сезон выдался неудачным...

– И что теперь? – с надеждой спросила Людмила после того, как Лозовский старательно вытер испачканные в сажу пальцы о паклю, торчавшую из-под дранки.

– То же самое, – буркнул он невесело. – Будем искать в другом месте.

Городское здание – это не загородное поле, где сокровища могут отыскаться у любого куста. Мест, куда может быть спрятана ценная находка, не так уж и много: где-нибудь за чугунными батареями, под подоконником, в отдушинах, в печах или каминах, нередко под полами. Но по какой-то труднообъяснимой причине большинство жильцов прячут свои ценности на чердаке, где-нибудь под балками. Удивительно, но такая закладка может просуществовать не одну сотню лет, пока кому-нибудь не вздумается произвести на чердаке перепланировку.

Владлен прошелся металлодетектором по стенам. Пустой номер! Под плинтусами также ничего, если не считать мелочевки: какая-то красавица из прошлого века обронила в щель подоконника серьгу с каким-то крохотным желтым камушком...

Назару везло больше: его металлодетектор, не зная устали, издавал сухие обнадеживающие щелчки. То и дело из разных концов комнаты можно было услышать довольное хмыканье Шелестова.

В какой-то момент стало ясно, что квартира пуста. Вряд ли здесь можно обнаружить нечто ценное, разве что незначущую мелочь, оброненную разиней-хозяином в щели разошедшихся половых досок.

Вошли в другую квартиру со столь же гостеприимно распахнутой дверью. Расположение комнат в ней было почти точно таким же, вот только рамы поплотнее, стены более убогие, да и находки, следовательно, должны быть еще менее значимы. Паркет был разобран, до них здесь кто-то успел побывать – возможно, решили старинными плашками выложить комнаты, но не исключено, что искали сокровища. Назар отправился в дальнюю комнату, отгорожен-

ную от остальных двумя длинными коридорами: в прежние времена здесь располагался будуар хозяйки. Ничего значимого, за что можно было бы зацепиться взглядом. Обыкновенная комната, на стенах которой неряшливыми лохмотьями оставались куски обоев, сумевшие пережить не одно поколение хозяев.

Высокие окна, упиравшиеся тяжелыми рамами в потолок, выходили на просторный двор, огороженный со всех сторон высоким закрытым забором. Невероятно чудно выглядел металлический столб с двуглавыми орлами, стоявший в самом углу двора, – в прежние времена к нему привязывали лошадей. Удивительно, что до сих пор его не выкопал какой-нибудь любитель старины. Надо полагать, что в лучшие времена в квартире проживали люди с достатком.

И все-таки квартира, несмотря на общую планировку, чем-то отличалась от соседней. Что-то в ней было особенное. Может, подобное ощущение и называется интуицией? Именно в таких квартирах тайники любят устраивать в стенах, а кладка здесь такая, что способна укрыть даже метровый сейф. Осталось только очертить зону поиска. Следовало исходить из того, где ты сам мог бы припрятать драгоценности. Место должно быть неприметное и в то же время располагаться под рукой, чтобы при первой же опасности извлечь драгоценности.

Владлен внимательно осмотрелся. Лучше всего смотрится средняя комната, расположенная на достаточном расстоянии от входа. Для тайника лучше всего подходит нижняя половина стены, на которую человек, как правило, не обращает внимания. Приложив поисковую катушку к основанию стены, Влад медленно принялся поднимать штангу металлодетектора, и, прежде чем он увидел колебания стрелки, прозвучали сухие негромкие щелчки. Лозовский невольно сглотнул: где-то внутри стены лежал цветной металл.

– Что-нибудь нашел? – заинтересованно спросил Назар, подошедший со спины.

– В стене есть полость, – отвечал Владлен, не узнавая собственного голоса. – А в ней какой-то цветной металл. Похоже на золото.

Так бывает всегда – каким-то шестым чувством начинаешь выделять среди одинаково звучащих сигналов именно тот, который способен принести настоящую удачу.

Магнитный поток передающей катушки усиливал остаточный сигнал, заставляя сильнее работать воображение. Обычно в стенах таких старинных домов прячут семейные реликвии, доставшиеся от зажиточных предков. Дом старый, из весьма доходных – именно такие строили в середине девятнадцатого века, бросая вызов столичному Санкт-Петербургу. В них проживала состоятельная публика: от зубных врачей и профессоров университета до владельцев заводов. Именно такие дома сразу после революции сделались предметом интереса как со стороны налетчиков, так и со стороны властей. Стараясь спасти сбережения от бандитов и чекистов, люди прятали их во всех местах, где было возможно: под полами, окнами, в том числе в перегородках между комнатами и в стенах. Не исключено, что прежнего зажиточного хозяина забрали в ОГПУ за «контрреволюционную агитацию», где не мешкая поставили к стенке, а клад, оставленный в кладке, терпеливо дожидался своего часа. И вот, кажется, дождался...

– Третий камень снизу, – определил Назар Шелестов. – Нужно долбить.

Экран отчетливо показал в стене полость – так мог выглядеть только тайник. Можно было даже заметить предмет, весьма напоминавший шкатулку. Парень хотел выглядеть непроницаемым, однако лоб предательски собрался в морщины, выдавая напряжение.

– Вы что-то нашли? – захлопала ресницами Люся.

У девушки был редкий талант задавать идиотские вопросы.

– Возможно, – тихо ответил Владлен, словно опасаясь упустить подступившую удачу. – Нужно будет посмотреть. – И, повернувшись к Назару, спросил: – Ломик захватил?

– Конечно, как же без него! – отвечал тот.

Развязав рюкзак, Шелестов вытащил из него небольшую «фомку» и, примерившись, ударил в кладку. Раздался глухой удар, выбивший из кирпича сноп осколков.

– Кажется, чуток пошевелился, – сообщил Лозовский.

Приподняв лом, Назар с силой ударил в помеченное место, потом еще раз и еще... Кирпич, повернувшись, ушел вовнутрь.

– Осторожнее, – предупредил Владлен. – Там за кирпичом может быть что-то хрупкое. Не повреди!

– Догадываюсь, – буркнул Назар и, просунув лом в проем, попытался сдвинуть кирпич. Кладка, рассыпаясь, предстала чернеющим проемом, в который теперь можно было просунуть руку.

– Обожди, я сейчас, – уже более не справляясь с нетерпением, отодвинул приятеля Владлен.

Сунув руку в провал, он тотчас натолкнулся пальцами на прохладную гладкую поверхность.

– Кажется, шкатулка, – произнес Лозовский, осознавая, что в таком ларце могут прятаться драгоценности.

– Вытаскивайте ее, – дрожащим от нетерпения голосом произнесла Люся.

Владлен попробовал ухватить шкатулку пальцами, но, прижатая со всех сторон кладкой, она не желала покидать привычного пристанища. Следовало действовать поосторожнее.

Просунув лом вовнутрь, Лозовский надавил на него всем телом, и кирпич упал к ногам, раскрошившись. Взору предстала небольшая резная шкатулка из красного дерева, с золотыми вставками на крышке и по бокам.

– Вот это да! – невольно ахнула Люся. – Какая прелесть! Я никогда не видела ничего подобного.

Владлен бережно взял шкатулку, как если бы опасался, что она способна от неосторожного прикосновения рассыпаться в прах, и повертел ее в руках. Даже беглого осмотра было достаточно, чтобы понять, – вещь весьма старая, эксклюзивная и стоит немалых денег.

– Ну, открывай же, чего ты медлишь! – торопила Людмила.

Лозовский вдруг поймал себя на том, что у него неожиданно участилось дыхание, руки дрогнули, и шкатулка едва не выскользнула из запотевших ладоней. Внутри должно лежать нечто необыкновенное. Открыв ларец, Владлен увидел на красной бархатной материи... две небольшие фотографии.

Разочарованию кладоискателей не было предела. Людмила фыркнула. Назар хмыкнул:

– Интересный сюрпризец! Что бы это могло значить?

Взяв фотографии, Владлен увидел под ними вензель, украшенный изумрудом и небольшими бриллиантами, какой императрица вручает своим фрейлинам при поступлении в свою свиту, и небольшой стеклянный флакончик, в котором обычно хранят духи.

– Ух ты! – восторженно протянул из-за плеча Назар. – Знатная вещица.

– Сколько же она может стоить? – невольно ахнула Люся.

– Думаю, что много, – сдержанно отвечал Владлен, разглядывая сверкающие под лучами фонаря драгоценные камни. – Может, пятьдесят тысяч долларов, а может, и все сто! Во всяком случае, я никогда прежде не видел такого большого изумруда.

– Вот так повезло... Сто тысяч! – ахнул невольно Назар. – Это сколько же всего можно купить на такие деньги...

Лозовский едва улыбнулся. Восторг друга он разделял. Состоявшаяся находка означала, что закончилось хроническое безденежье: прощайте, долги и пресное существование, где приходится считать каждую копейку. Небольшой кусок металла со сверкающим зеленым камнем позволяет уверенно смотреть в завтрашний день и даже делать какие-то оптимистические прогнозы. Например, можно купить серьезный внедорожник, способный покорить любое подмосковное бездорожье; можно слетать куда-нибудь, чтобы как следует отдохнуть, а еще прикупить массу полезных вещей, что будут радовать и сделают жизнь более насыщенной и приятной. А

самое главное, в ближайший год можно будет ничего не делать и просто наслаждаться плодами цивилизации.

– Сколько же в нем будет карат? – спросила Людмила.

– Полагаю, что карат десять, – с некоторым придыханием предположил Владлен. – Никак не меньше. Изумруд камень дорогой. Даже бриллиант в десять карат будет стоить куда меньше.

– Почему?

– Потому что они редко встречаются.

Изумруд и в самом деле был невероятно хорош. Камень был величиной с крупный фундук, лишенный каких бы то ни было дефектов и трещин, при этом он имел невероятную прозрачность.

– Что там еще есть?

– Здесь духи, – взяла Людмила флакончик.

– Он пустой, – отвечал Лозовский. – Закрыт негерметично. Если в нем что-то и было, так уже давно испарилось.

– А что это за странные фотографии?

Владлен взял одну из карточек. Фотография была старинной, профессионально отретушированной. На кушетке полулежали двое: крупный мужчина в рубище монаха и молодая весьма привлекательная женщина в красивом, по моде начала двадцатого века, длинном приталенном платье; в длинных пальцах она держала перстень с крупным камнем. Мужчина смотрел прямо в направленную камеру, обнимая женщину за плечи. В его широко открытых глазах чувствовалась невероятная сила. Взгляд черных, колдовских глаз притягивал. Во внешности мужчины было что-то очень знакомое, вот только Владлен никак не мог вспомнить, где именно он мог видеть его крепко сложенную фигуру и всклокоченную бороду.

– Странно все-таки, – невольно произнес Владлен, чувствуя, что находится на пороге какой-то необычной тайны, – с чего это в такой дорогой шкатулке хранить фотографии?

– Они лежат здесь как самый дорогой предмет, – заметил Назар.

– То-то и оно!

На другом фотоснимке тот же самый мужчина был облачен в длинную белую рубашку навыпуск, перетянутую крученым поясом с кистями, черные брюки заправлены в русские сапоги, собранные в гармошку. Волосы длинные, черные, неряшливой волной спадающие на плечи, а борода, сужающаяся книзу, закрывала едва ли не половину широкой груди. Взгляд мужчины имел острый, очень пронзительный, хищные, слегка прищуренные глаза будто бы прожигали насквозь. В них было что-то демоническое. Тонкие губы расходились в иронической улыбке. Он был красив в своей грубой, почти первобытной силе. В его облике виделась дикая необузданная страсть, способная подчинять себе всякого, стоявшего на его пути. Такой человек непременно должен быть наделен сверхъестественным даром.

На какие-то продолжительные минуты Владлен позабыл о происходящем, не помня, что находится в пустующей комнате старинного здания. Действительность на какое-то время перестала существовать, он словно бы окунулся во время, с которого на него смотрел поразительный старец с пронзительным взглядом.

Перевернув фотографию, Влад невольно сглотнул. На обратной стороне корявым почерком было написано: «*Анастасии от Григория*». Кладоискатель невольно всмотрелся в надпись, изучая ее. Перо было скверным, зацепив бумагу, оно оставило на гладкой поверхности неровный расплывающийся след.

Назар и Люся в ожидании смотрели на Лозовского.

– И что ты скажешь? – не выдержав молчания, спросил Назар.

– На фотографии Григорий Распутин, – произнес Владлен, невольно понизив голос.

– Тот самый? – удивленно произнесла Люся, всматриваясь в фотографию. – У него такой взгляд... он просто внутренности прожигает!

Лозовский не ответил, испытывая нечто схожее.

– Но что это за женщина? – спросил Шелестов.

– Трудно сказать. Я слышал, что он жил на Гороховой улице и держал там целый гарем из княгинь и графинь.

– Мне кажется, что человеку с таким взглядом много что подвластно.

– А женщина и вправду хороша... Сколько ей?

– Лет двадцать шесть – двадцать восемь.

Женщина лежала покорно, позволив Григорию Распутину вольность в виде заброшенной на плечо руки. Глаза у нее были крупные, влажные, в таких обычно прячется большая любовь.

– На перстне что-то написано, – сказал Владлен Лозовский, поднося фотографию поближе к глазам. – Ага, вижу, печать царствующего дома... А тут что-то еще. – Он отошел к окну, чтобы получше рассмотреть надпись на внутренней стороне ободка. Свет от полной луны падал серебряным светом на подоконник и мягко с плавным переходом стелился на полу. – Что-то не разберу, очень мелко. Но этот перстень точно из императорского дома, на нем выгравирован двуглавый орел. – Приблизив к глазам, Владлен прочитал первые слова: «*На день Ангела...*»

Неожиданно его внимание привлекли двое мужчин, подошедших к сторожевой будке. Открыв дверь, охранник что-то негромко сказал им, а потом спустился навстречу по шаткой металлической лестнице.

Лозовский неприятно поморщился: неужели конкуренты? Ведь заплачено сполна, чтобы всех остальных гнать взащей!

Подошедшие мужчины были примерно одного роста, вот только на одном из них была короткая джинсовая куртка, отчего он смотрелся несколько покрепче. А другой был одет в темную рубашку с длинными рукавами. Обступив сторожа с двух сторон, они о чем-то эмоционально разговаривали, размахивая руками.

– Что там происходит? – нахмурился Владлен.

– Кажется, они о чем-то спорят, – высказался подошедший Назар.

– Не самое подходящее время, – нахмурился Лозовский. – Мы не осмотрели даже третью часть дома.

Возникший спор неожиданно обострился. Человек в джинсовой куртке вдруг шагнул вперед, заставив сторожа немного отступить. Второй подошедший неожиданным коротким движением ударил дедка в грудь. Тот наклонился вперед, ухватив обидчика за плечи, но, внезапно обессилев, медленно стал сползать вниз.

– Он его зарезал! – ахнула из-за плеча Людмила. – У него был нож!

Владлен с расширенными от ужаса глазами стоял как вкопанный, замороженный сценой произошедшего убийства. Преступники, подхватив под руки сторожа, как-то уж очень хладнокровно, по-деловому, будто бы проделывали подобное неоднократно, втянули убитого в будку и без суеты закрыли дверь. Потом, чем-то перемолвившись, направились к распахнутым воротам. Мужчина в джинсовой куртке, шедший немного впереди, внезапно, будто бы почувствовав чужой взгляд, посмотрел на окна второго этажа, заставив Владлена невольно отступить в глубину комнаты.

– Уходим. – Лозовский потянул Люсю за руку. – Он меня заметил! Сейчас они будут здесь.

– Но куда мы пойдем? – устремился следом Назар, подхватив металлодетектор. – Они идут в наш подъезд!

– Выходим через чердак, оттуда можно перейти в другой подъезд. А там выскочим на улицу.

– Что теперь будет? Что теперь будет? – беспрестанно причитала Людмила.

– Да успокойся ты! – прошипел Лозовский. И уже тихо, понимая, что погорячился, продолжил: – Люсенька, обещаю тебе, все будет хорошо, мы выберемся отсюда.

Внизу приоткрылась входная дверь, тонко пискнув, и тотчас мелко задрезжали перила. Владлен почувствовал, как в его ладонь крепко вцепились пальчики девушки.

Стараясь не шуметь, они втроем взбежали на верхний этаж, а далее по металлической лестнице, прикрепленной к стене шаткими крепежами, взобрались на чердак.

– Успокойся, – прошептал Лозовский Люсе на ухо. – Все обойдется.

Убийцы поднимались именно в ту квартиру, которую только что покинули кладоискатели. Когда они обнаружат, что тайник вскрыт, и поймут, что в подъезде никто не остался, тогда просто поднимутся на чердак...

О худшем думать не хотелось.

– Перебираемся в соседний подъезд, – сказал Владлен, ускорив шаг.

Нагнувшись, он прошел под низко нависающими балками и устремился вдоль стены. Носоглотку закладывало поднявшейся пылью, под ногами неприятно трещало, а где-то в дальнем углу здания беспокойно клокотали голуби.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.